

всепуная история в романах

Александр НЕМИРОВСКИЙ

ТИБЕРИЙ ГРАКХ

Всемирная история в романах

Александр Немировский

Тиберий Гракх

«ВЕЧЕ»

1963

Немировский А. И.

Тиберий Гракх / А. И. Немировский — «ВЕЧЕ»,
1963 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7179-7

I век до н. э. Переломный период в истории рабовладельческого Рима. Молодой прогрессивный римский трибун Тиберий Гракх, защищая интересы крестьян, пытается провести земельную реформу, которая позволит дать новый импульс экономическим отношениям в империи. На борьбу за землю поднимается свободное крестьянство. Огромная держава становится ареной ожесточенной борьбы...

ISBN 978-5-4484-7179-7

© Немировский А. И., 1963

© ВЕЧЕ, 1963

Содержание

Об авторе	6
Тиберий Гракх	8
Часть первая. Внук Сципиона	8
Стопы истории	8
Чистая вода	10
Лагерь Пизона	11
Стена	12
Штурм Магары	13
Осада	14
Последний день Масиниссы	15
Открытое море	17
У морских ворот Карфагена	19
В Тире	19
Решение	20
В доме с колоннами	21
Цена свободы	23
Последний день Карфагена	24
Приказ сената	27
Наследники Масиниссы	28
В Коринфе	29
Часть вторая. Боги и гиганты	31
Пять лет спустя	31
В Энну	32
У Сципиона	33
Утро Мегаллиды	35
Евн	36
Ревизия всадников	37
Аттал	39
Наводнение	40
Звереныш	42
Государство Солнца	42
Восстание	45
В театре	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Иосифович Немировский Тиберий Гракх

© Немировский А.И., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

*Александр Иосифович НЕМИРОВСКИЙ
(1919–2007)*

Об авторе

Известный отечественный историк-антиковед, писатель, поэт и переводчик Александр Иосифович Немировский родился в городе Тирасполь в семье участника Первой мировой войны. В 1925 году семья Немировских нелегально переехала из оккупированного Румынией Приднестровья в Москву. Интерес к истории юному Саше Немировскому привил его школьный учитель – будущий академик М.Н. Тихомиров. Вожатые – будущие писатели Д. Данин и Л. Фейгельман – завоорожили мальчика своей озаренностью поэзией, пробудили в нем желание писать стихи.

В 1937 году А. Немировский поступил на исторический факультет МГУ, одновременно учился в Литературном институте, в поэтическом семинаре И. Сельвинского, вместе с М. Кульчицким, П. Коганом, С. Наровчатовым. Большую роль в становлении А. Немировского как поэта сыграло Литобъединение при студенческом клубе МГУ, которое он посещал вместе с Н. Майоровым, Б. Слуцким, Д. Самойловым. Первая публикация А. Немировского появилась в 1938 году в газете «Московский университет». В 1941 году он заявил себя как литературный критик публикациями восьми рецензий в «Литературной газете».

Война прервала учебу в МГУ. После окончания Томского военного училища А. Немировский сражался на Волховском, Ленинградском и Первом Украинском фронтах, был ранен в силезском городе Нейсе, награжден орденом Красной Звезды.

Вернувшись к мирной жизни, А. Немировский защитил кандидатскую и докторскую диссертации на темы по истории и культуре Древнего Рима. Во время работы в Пензенском педагогическом институте опубликовал в 1955 году свою первую историческую повесть «Тиберий Гракх».

С 1957 по 1978 год А. Немировский преподавал в Воронежском госуниверситете, где в 1966 году создал и возглавил кафедру истории Древнего мира и древних языков. Научно-исследовательской работе ученого нерасторжимо сопутствовало создание художественно-исторических произведений разных жанров: рассказов, повестей, романов. Стилистической особенностью их был яркий, образный язык. Они создавались на материале тех же источников, что и научные монографии и статьи. Многие юные читатели под влиянием книг А. Немировского выбирали себе профессию историка.

С 1978-го и до конца жизни в 2007 году А. Немировский жил в Москве, продолжая заниматься научной и литературной деятельностью. За этот период им было опубликовано около трехсот работ. Среди них серия книг о мифах Древнего Востока, Древней Индии, Древней Греции, Древнего Рима, восемь сборников стихов, а также его последний роман «Пифагор» об ученом, проникшем в тайны природы.

Книги А.И. Немировского переводились на английский, болгарский, литовский, молдавский, немецкий, польский, сербский и украинский языки.

Л.П. Немировская

Избранные произведения А.И. Немировского:

- «За Столбами Мелькарта» (1959)
- «Тиберий Гракх» (1963)
- «Слоны Ганнибала» (1963)
- «Белая лань» (1964)
- «Белые, голубые и собака Никс» (1966)
- «Этрусское зеркало» (1969)
- «Пурпур и яд» (1973)
- «В круге земель» (1995)

«Пифагор» (1998)

Тиберий Гракх

Часть первая. Внук Сципиона

Стопы истории

Полибий шел по набережной Лилибея, и в его памяти звучала строка Гнея Невия:

Решил идти войною навстречу он пуну¹.

«Здесь ступала История, – думал Полибий. Римлянин и италиец, Сципион и Невий вели здесь на ходу сократическую беседу, вылившуюся в стопы сатурнийского стиха. Поэт, прихрамывая, торопился за полководцем. Они направлялись в греческий театр, и трагедия Эврипида на его сцене стала преддверием драмы, развернувшейся в Ливии и Карфагене. Ныне она повторяется. Только вслед за полководцем шагает историк. Что же ему помешало остаться в Александрии? Что гнало его в Рим? Что его влечет теперь к исходу карфагенской трагедии?»

– Полибий! – послышался знакомый голос. – Что ты здесь делаешь?

Навстречу бежал Тиберий. Они обнялись.

– Я как раз размышляю над этим, – отозвался Полибий. – Но вообще-то жду Публия. В Риме, где я надеялся его встретить, меня уверили, что он должен прибыть в Лилибей.

– Ты с ним разминулся, – заметил юноша. – Публий был в Риме через нундины после триумфа. Его отпустили на выборы. Он претендует на должность эдила.

– Я уверен, что его изберут.

– Взгляни! К молу подходит трирема. Судя по флажку, она привезла консула, а вместе с ним и нашего Публия.

Вскоре по сходням уже спускался человек в доспехах. Вслед за ним сошли ликторы с фасциями.

– Наш Публий! – радостно закричал Тиберий.

Да, это был Публий Корнелий Сципион Эмилиан. Дав ликторам знак опустить фасции, Публий подбежал к Полибию и Тиберию.

– Итак, все на месте! Мы отправляемся на войну.

– Но меня, – сказал Полибий, улыбаясь, – как сообщается в письме, «в силу государственной необходимости» вызывал консул Манилий.

– Я просил его об этом более года назад. Но ты не попал и к его преемнику Пизону. Зато поспел к моему консульству.

– Ты консул! – воскликнули в один голос Полибий и Тиберий.

– А разве это не видно? – спросил Публий, показывая на выстроившихся ликторов.

– Да! – протянул Полибий. – Их действительно двенадцать. Но ведь ты выставял свою кандидатуру в эдилы?

– Все верно! Однако, сбега с мостков, квириты выкрикнули мое имя. И таких оказалось большинство.

– Так же было и с моим дедом, Сципионом Африканским! – вставил Тиберий.

¹ Гней Невий и его предшественник Ливий Андроник использовали в своих эпических произведениях говорной стих итальянских гимнов, заговоров и заклинаний, который носит название «сатурнийского». Приведена строка из поэмы Невия о Первой Пунической войне.

– Не менее удивительно другое совпадение! – произнес Полибий. – Твой дед отправлялся на войну с пунами также из Лилибея. В его дневнике я прочел, что он встретился на набережной с поэтом Гнеем Невием. Невий же в своей поэме говорит также о встрече в театре. Ставилась трагедия «Антигона». Полководцу не удалось досмотреть ее до конца.

– Здорово! – воскликнул Публий. – Но почему же ты не написал об этом в своей истории?

– Потому же, почему в продолжении своего труда не напишу: «Прибыв в Лилибей, консул Публий Сципион Эмилиан встретился на набережной с Полибием, сыном Ликорты, и с Тиберием Семпронием Гракхом». История должна рассказывать о главном. Не следует подражать Тимею, падкому до всякого рода совпадений и курьезов, стремящемуся поразить читателя необычностью описываемых событий и ситуаций. Нельзя переполнять историю деталями, сколь бы ни были они любопытны. Оставим подробности поэтам!

– И полководцам! – добавил Публий. – Ведь в военном деле нет мелочей. Но скажи, вызывая тебя, не нарушил ли я твоих собственных планов? Не оторвал ли от дел?

– Моих дел? – с грустью повторил Полибий. – На своей родине я был не у дел. У кормила власти оказалась озлобленная молодежь. Мне буквально пришлось бежать из Ахайи. Твой вызов догнал меня в Александрии. На пути из Александрии в Рим я узнал, что в Коринфе римских послов оскорбили действием.

– Да! Если тебя интересует деталь не для истории, вот она: во время отчета посол Мумий вытащил тогу, покрытую пятнами от тухлых яиц, которыми его забросали коринфяне. Потрясая ею, он вопил, что в его лице оскорблен сенат и римский народ и единственный выход – послать в Ахайю легионы. Когда дошло дело до обсуждения, Сульпиций Гал потребовал тогу. Разглядывая ее, он сказал: «Кровь оставляет более едкие пятна. Того моего коллеги, посла Гнея Октавия, отмыть оказалось невозможно». И, представь себе, после этого сенат посоветовал идти на уступки ахейцам, чтобы избежать войны.

– Сульпиций Гал – мудрый человек, – проговорил Полибий. – Вот кому бы я, на месте сенаторов, поставил памятник в курии.

– И еще одна новость, – сказал Публий. – Я думаю, что она тебя заинтересует. Обнародована книга Катона, которую он назвал «Начала». И это вызвало такое смятение умов, словно, отпущенный из Аида, он произнес очередную речь.

– Что же такое он написал? – заинтересовался Полибий.

– Спроси лучше, что упустил. В книге, посвященной Ганнибаловой войне, он обошелся без имен полководцев, не назвав даже Сципиона. Зато им упомянут по имени карфагенский слон.

– Ну и чудак! – расхохотался Полибий. – Какая же это история, без имен?

– Поэтому он не назвал ее историей. К тому же название «Начала» имеет двоякий смысл: начало Римской Республики, римского могущества и начало римской историографии. Что касается чудачества с именами, то оно не так безобидно. Он остался верен своей ненависти к Сципиону Африканскому и ко всем мужам нашей партии.

– Но это не помешало ему незадолго до кончины похвалить тебя, – вставил Тибериус.

– Мне это передавали, – продолжал Публий. – При этом он не назвал имени моего приемного отца: «Сын моего покойного друга Эмилия Павла – молодец». К этому он добавил стих Гомера: «Он один с головой, другие безумными теньями бродят».

– Поздравляю! – воскликнул Полибий. – Первое использование Катонем мудрости Гомера связано с тобой!

– Второе! – проговорил Публий после долгой паузы. – Первое касается тебя.

– Меня? – воскликнул Полибий. – Вот чего я не ожидал.

– Этого никто не ожидал. Было это в тот день, когда Сульпиций Гал предложил вернуть вам, ахейцам, все права, какими вы обладали до изгнания. Катон, выступая в прениях, сказал,

что Полибий не следует забывать о мудрости Одиссея, который, выбравшись из пещеры циклопа, не вспоминал об оставленном там впопыхах поясе.

– Откуда это недоброжелательство! – протянул Полибий. – Ведь я его ничем не задел...

– Не задел! – воскликнул Публий. – Поразил в самое сердце. Катону, как об этом свидетельствует название его труда, было мало шумной славы оратора и репутации образцового хозяина. На заседании сената он обрушился на одного из наших летописцев и услышал от него и от других: «Напиши сам!» Очевидно, он сразу взялся за труд, но не успел его закончить до обнаружения твоей истории. Отсюда его ненависть к тебе, которую он не скрывал.

– Но почему тогда он оказался сторонником нашего возвращения в Ахайю? – заинтересовался Полибий.

– О, Катон был не прост! – проговорил Сципион. – Зная, что делается в Ахайте, он будто бы выступал за справедливость, на самом деле хотел тебя сломить. Разгадав его замысел, я послал тебе вызов через консула Манилия. Как твой друг, я понимал, что тебе лучше быть со мной.

Чистая вода

Путь из Македонии к Истму лежал через Фермопилы. После победы над Критолоем перевал был открыт, и сопротивления можно было ожидать только близ Коринфа. Это понимал Цецилий Метелл, рассчитывавший добраться до Истма за три дня.

Вызвав центурионов, он распорядился:

– Смотрите, чтобы мечи воинов оставались в ножнах. Пусть не будет убит ни один грек.

«В Риме забыли о победах моего отца над Ганнибалом, – думал Метелл. – И виной этому злобная песенка Гнея Невия, наложившая клеймо и на меня: “Несчастный жребий Риму дал Метеллов в консулы”. Поэтому народ избрал меня только претором! Но пусть хотя бы у грекулов о Метеллах останется добрая память!»

Рок в союзе с поэзией оказался сильнее этого благого пожелания. В многовековой истории Эллады ни один из вражеских походов не принес столько бед, сколько мирное продвижение человеколюбивого Метелла. Эллины, разумеется, не знали о приказе Метелла. Но, даже объяви он его во всеуслышание, ему бы не поверили. Им были уже известны коварство ромеев, их бесчеловечность. Сколько бы ни убеждал Полибий в своем труде, что ромеи такие же люди, эллины верили фактам, а не их истолкованию.

Римское войско шло бодрым шагом. Легионеры, подчиняясь приказу, не обнажали мечей. И хотя им никто не приказывал обходить колодцы, они делали и это. От колодцев исходило зловоние: узнав о приближении войска, женщины с детьми бросались в воду. Жажда мучила невыносимо. В поисках воды воины сходили с дороги. Но берега ручьев сплошь были покрыты трупами. Мужчины расставались с жизнью иначе, чем женщины: они перерезали жилы, пронзали друг друга мечами, вешались на деревьях.

Подлинный ужас объял Метелла в Фивах, первом крупном городе на пути войска к Коринфу. «Семивратные Фивы», прославленные еще Гомером! Древний город, основанный Кадмом, братом Европы! Фивы, осаждавшиеся семью героями и через тысячу лет после этого взятые и опустошенные Александром, сыном Филиппа! Римляне вошли в безлюдный город. Ни крика петуха, ни собачьего лая. Но вода в колодцах осталась свежей. Воины бросились к ним, отталкивая друг друга. Много лет спустя ветераны Метелла, рассказывая детям и внукам об увиденном и пережитом, ставили Фивы выше всех прочих городов: «Какая же там чистая вода!»

«Страх и подлость – брат с сестрою», – гласила поговорка. В эти дни справедливость ее обнаружилась с наибольшей очевидностью. Не все грекулы убивали себя или бежали от римлян. Немало бежало и к ним. Протягивая молитвенные ветви претору, легатам и цетурионам,

греки припадали к их коленям. Они сознавались в дурных намерениях, клянчили письменные подтверждения тому, что явились с повинной добровольно. Они тащили легионеров за собой, чтобы показать им, где скрываются соседи и родственники.

Метелл с ужасом вглядывался в этих двуногих, потерявших человеческий облик. «Да греки ли это? – думал он, вспоминая Марафон и Фермопилы – места хрестоматийной греческой доблести. – Или, может быть, история – это болтовня и враки продажных писак?» Он отталкивал просителей, крича им: «Идите прочь! Я не хочу вас видеть!» Но они продолжали липнуть, выкрикивая чьи-то имена.

Путь легионов к Истму вместо трех отнял семь дней. В это время успели вернуться гонцы, отправленные Метеллом к стратегу Ахейского союза Диэю. Этот безумец, не понимая, на какие невероятные уступки, превышая свои полномочия, идет претор, наотрез отказывался от переговоров. А для них уже не оставалось времени. Претору сообщили, что уже высадился первый из пяти легионов, выделенных сенатом для ведения Ахейской войны. На Пелопоннесе Метелл приказал разбить лагерь, чтобы принять там вновь избранного консула Луция Муммий.

Лагерь Пизона

За Утикой раскинулась долина, покрытая садами и виноградниками. То там, то здесь мелькали высокие стволы финиковых пальм с веерами длинных темно-зеленых листьев. Сквозь абрикосовые и лимонные рощи виднелись белые домики. Их обитатели прятались от римлян. Казалось, селения вымерли.

Дорога извивалась вдоль берега реки, блестящей под солнечными лучами. Бледно-голубые цепи гор окаймляли горизонт. Тиберий скакал на коне, не отставая от Эмилиана. Консул, поручив войско Лелию, торопился как можно скорее попасть в лагерь Пизона, которого он должен сменить. По пути не встретилось ничего интересного, кроме каравана верблюдов. Тиберий видел этих животных впервые. Замедлив бег коня, он с любопытством разглядывал мускулистые туловища кораблей пустыни, их изогнутые по-лебединому шеи.

Когда они прискакали в лагерь Пизона, стемнело. Спешившись, Публий и Тиберий прошли к лагерным воротам. Часовой спал, опершись на копье. Публий хотел разбудить воина, но, раздумав, махнул рукой и торопливо зашагал по улице, образованной выгоревшими от солнца шатрами. Возле каждого лежали груды вещей: ковры, вазы, обломки оружия.

Найти преторий было нетрудно: он находился на пересечении главных лагерных улиц. Рядом с ним двое легионеров азартно играли в кости. Переглянувшись, Публий и Тиберий вступили в шатер. Бронзовые светильники, изображавшие сирен, освещали ложе и храпевшего на нем худощавого человека в лиловой тунике. Публий коснулся его руки. Пизон вздрогнул и, узнав Сципиона, сказал:

– А, новый эдил! Что слышно в Риме?

– В Риме живут слухами о тебе и твоих подвигах, – ответил Публий с усмешкой.

Не поняв иронии, Пизон подхватил:

– Да, мои воины одержали немало побед и захватили богатые трофеи. Осталось и на твою долю.

– Благодарю тебя, консуляр! – саркастически проговорил Публий. – Но я не из бандитской шайки. Я консул 607 года от основания Рима совместно с Гаем Ливием Друзом. Благоволи утром собрать воинов для встречи со мною.

Тиберий проснулся, когда солнце стояло уже высоко, и, набросив тогу, поспешил к преторию. Кроме Эмилиана у входа в преторий стояли Пизон, Полибий и полный черноволосый человек, пытавшийся в чем-то оправдаться.

– Это меня не интересует, Филоник, – прервал его Публий. – Объясни, почему калиги, выданные мною воинам в Утике, пришли в негодность лишь за один дневной переход?

– Дорога... – пытался сказать Филоник. – Камни...

– Это я уже слышал. Но почему ты в целой обуви, а мои воины босиком? Ну-ка, снимай сандалии!

Филоник послушно сбросил с ноги сандалию.

– Нет, снимай и другую, – сказал консул.

Когда толстяк снял обе сандалии, Публий знаком подозвал стоящего неподалеку центуриона.

– Возьми его сандалии и принеси ему взамен калиги из числа тех, что поставлены войску.

Когда Филонику вручили калиги, и он, пытаясь, стал обуваться, у одного сапога оборвался ремень. Раздался дружный хохот.

Улыбаясь, Публий сказал:

– Видишь, Филоник, из гнилой рыбы не сварить свежей ухи. Я отменяю контракт, и тебе придется поставить новую партию обуви, если не хочешь платить неустойку.

Подбежал Лелий.

– Легионы построены! – доложил он.

Блестели на ярком ливийском солнце панцири, щиты и шлемы. Колыхались значки манипул и орлы легионов. На правом фланге стояли турмы всадников, на левом – легковооруженные. Сципион взошел на трибунал, выложенный из дерна. При появлении консула воины подняли щиты и снова опустили их к ноге.

– Клянусь Геркулесом, – начал энергично Сципион. – Когда я служил под командой консула Манилия, я повиновался всем его распоряжениям, не позволяя себе бесчинств, подобных вашим. Вы более напоминаете шайку разбойников или ватагу праздных гуляк, чем войско римского народа. Но я готов не вспоминать прошлого, если вы не будете повторять своих ошибок. Сейчас мы выступаем к Карфагену. Не брать с собою ничего, кроме оружия и самых необходимых вещей. Когда же будет взят Карфаген, у вас будет богатство и слава.

Стена

Сидя на отесанном камне, Полибий смотрел на занимавшую все пространство истма², от моря до моря, громаду карфагенских стен. Работая над первыми шестью книгами своей истории, он тщательно изучил все, что написано эллинами о карфагенянах, которых римляне именовали пунами. Ему было известно, откуда пришли финикийские колонисты в Ливию и как они сумели укрепиться на этом клочке земли, купленном, если верить легенде, у местных пастухов. Описывая восстание карфагенских наемников после первой карфагено-ромейской войны, он рассказал своим читателям о протяженности и высоте стен Карфагена, об их толщине, позволявшей устроить в стене стойла для слонов и коней. Но одно дело пользоваться чужими описаниями, а другое – видеть самому.

Стена Карфагена поражала самое богатое воображение, соответствуя величию и богатству города, которые она была призвана охранять. Недаром римляне клятвенно обещали оставить за карфагенянами их государственное и частное имущество, если они дадут разрушить эту стену. Выходит, что война, которой не видно конца, ведется из-за этой стены, из-за искусно положенных друг на друга камней?

Полибий вспомнил вычитанный им у Тимея рассказ о городе, построенном беглыми рабами где-то в глубине ливийской пустыни. Каждый невольник, стремившийся стать его гражданином, должен был принести только один камень для городской стены. Конечно, это одна

² И с т м – перешеек (греч.).

из тех побасенок, которыми Тимей, как мелочный торговец, без разбора заполнил заплечный мешок своей истории. Но каков образ! Нет, не золото, не серебро, не драгоценности требовались для вступления в сообщество граждан, а один лишь камень для городской стены, ибо она залог свободы – наивысшего из человеческих богатств.

Полибий вздрогнул, заслышав шаги. Это был Публий. Устроившись рядом, он спросил:

– Как ты думаешь, какой участок стены хуже охраняется?

– Вон тот! Примерно в стадии от башни.

– Почему ты так считаешь?

– На заре оттуда сбросили труп, и сразу появились коршуны. Рассуждая, я пришел к выводу, что участок, откуда бросают трупы, должен меньше охраняться.

– Может быть, ты знаешь, и какой высоты в этом месте стена?

– Тридцать два локтя с половиной. Стена правильной кладки. Узнав высоту одного квадрата, – а мы с тобою сидим на нем, – и число квадратов сверху донизу, легко определить высоту стены.

– Что бы я без тебя делал?! Тебя послали сами боги!

Полибий улыбнулся.

– Скорее Клио. Согласись – она самая наблюдательная из муз.

– Постройка лестницы займет несколько дней. Мне же пока необходимо разобраться с добровольцами. В отношении двух из них у меня возникли сомнения. Это два друга – Тиберий и Марк Октавий.

– Октавий, сын Гнея Октавия? – спросил Полибий.

– Да! Сын посла, растерзанного сирийской чернью. Тиберий и Марк, когда было объявлено о наборе добровольцев, вышли из строя первыми. Ты понимаешь, что мой родственник долг сохранить жизнь шурина. Но ведь я не могу послать одного Марка.

– Задача не из легких, учитывая, что Гасдрубал не щадил юного Ганнибала, к пользе для него самого и для государства.

– Не думаю, что Тиберий станет римским Ганнибалом. Как-то я случайно оказался на уроке, когда учитель Блоссий рассказывал о спартанце Клеомене. Видел бы ты, как у мальчика горели глаза.

– Но ведь Клеомен был мятежником! – воскликнул Полибий. – Он, царь и потомок Геракла, якшался с чернью, убил эфоров...

– И к тому же разрушил твой Мегалополь! – вставил Публий.

– Я в равной мере ненавижу другого спартанского царя – Агиса, хотя он не причинил моей родине зла.

Продолжая беседу, они прошли в лагерные ворота, охраняемые часовыми.

Из претория выбежал легат. Протягивая консулу запечатанные церы, он сказал:

– Новости из Рима!

Публий взломал печать и погрузился в чтение.

– Сенат требует от меня решительных действий! – сказал он. – Непокойно в Ахайе. Туда посланы легионы во главе с Муммием, который должен сменить Метелла.

Штурм Магары

Легионеры проскользнули к стене и приставили лестницу. Тиберий поднял голову. Луна светила сквозь зубцы. На стене ни души. Первый смельчак стал подниматься, быстро перебирая руками и ногами. Остальные стояли в нерешительности. Тогда Тиберий подбежал к лестнице и стал подниматься вторым. Его примеру последовали Марк и еще несколько воинов.

Первый легионер был уже у края стены, когда его обнаружили. Пун, его фигура снизу казалась огромной, ударил копьем в грудь. Воин схватился за копье, не пробившее панцирь, но

не удержался и полетел вниз, едва не столкнув Тиберию. Юноша стремительно рванулся вверх и вскочил на стену. Копье улетело вместе с воином вниз, и пун, не имевший другого оружия, бросился на Тиберию и опрокинул его тяжестью своего тела. С трудом Тиберию удалось перевернуться на бок, но пальцы врага клещами сжимали горло. Внезапно хватка ослабла и кто-то отбросил тело, из которого ручьем хлестала кровь.

– Вставай! – крикнул Марк, подавая Тиберию руку.

Теперь пунам, бежавшим по стене справа и слева, пришлось иметь дело с десятком легионеров. Бой был недолгим. Более опытные в рукопашной схватке, римляне взяли верх. Но один из пунов, ускользнув от меча, подбежал к краю стены и прыгнул вниз, увлекая за собой лестницу. Она обрушилась вместе с карабкавшимися по ней воинами. Тиберий услышал торжествующий крик и вопли падающих.

На стену поднимались новые защитники города. Их было так много, что ничего не оставалось, как бежать по стене в надежде где-нибудь спуститься.

Вдруг Тиберий заметил с внутренней стороны калитку, охраняемую часовым.

– Стой! – крикнул юноша беглецам.

У одного из легионеров оказалась длинная веревка. Обмотав один конец вокруг зубца, он бросил вниз другой. Часовой остолбенел. Воспользовавшись его замешательством, Тиберий метнул в пуна кинжал. Тот зашатался и упал. Сзади доносился топот погони. Не теряя времени, римляне начали спускаться. Несколько мгновений спуска показались вечностью. «Только бы не перерезали веревку», – думал Тиберий. Наконец ноги уперлись в землю. И как раз в этот момент наверху послышались стук мечей и громкий крик.

Оглянувшись по сторонам, Тиберий бросился к калитке и отодвинул засов. Открылся темный проход. Пахло плесенью. Ощупывая холодные мокрые стены, юноша продвигался вперед. Через пятнадцать шагов – такова была толщина стены – плечо его коснулось железа. Всем телом Тиберий налег на калитку. Она не поддавалась. Юноша был уже близок к отчаянию, но вдруг калитка медленно поползла вверх, и в проходе стало светлее. Видимо, кто-то из беглецов догадался отодвинуть рычаг механизма на внутренней стороне стены.

В нескольких шагах Тиберий увидел своих, различил знакомые черты Полибия. Тот подбежал к юноше, обнял его:

– А мы уже считали тебя погибшим! Сципион...

Тиберий прервал:

– Калитка ведет в город!

Ту часть города, куда проникли римляне, пуны называли Магарой. С одной стороны Магара примыкала к акрополю Бирсе, отделяясь от него стеной, с другой – выходила к морю.

Дома карфагенских богачей окружали ограды, поросшие колючими растениями. Двигаться мешали и бесчисленные гробницы, расположенные в той части предместья, которая примыкала к стене.

Магара поглотила римское войско и грозила ему гибелью. Немало римлян свалилось в каналы, было истреблено в домах. Нашлись и такие, кто под покровом темноты перешел на сторону врага. Это были большей частью воины из союзнических отрядов.

– Труби сбор! – крикнул Сципион трубачу.

Поредевшее войско в беспорядке покинуло Карфаген.

Осада

Тропинка на вершину скалы поднималась почти отвесно, и Тиберию, чтобы не упасть, приходилось хвататься за камни и колючий кустарник. Публий и Полибий карабкались сзади. Юноша слышал их тяжелое дыхание.

Вытерев ладонью лоб, Тиберий огляделся. Отсюда был виден весь город. Дома Магары терялись в белorozовом сиянии цветущих апельсиновых и лимонных деревьев. Рдели черепичные крыши особняков. Синели ленточки каналов. Над городом высилась Бирса с величественным храмом Эшнуна в центре. Под ней раскинулась торговая и деловая часть Карфагена с общественными зданиями и конторами менял. Еще дальше – знаменитый Кофон, внутренняя военная гавань с небольшим островком, где находилась резиденция командующего флотом.

– А там, насколько я понимаю, Утиксские ворота, – объяснял Полибий Публию.

– Что тебе до них? – удивился Публий.

– Там мастерская кузнеца Ганнибала, с которым у меня завязалась переписка.

– Ты шутишь, Полибий! – сказал Публий. – Откуда у тебя в Карфагене знакомые, тем более кузнецы?

– Это мой читатель, – объяснил Полибий. – В первом своем письме он приглашал меня в гости, обещая показать город, и вот я прибыл, правда, не со стороны ворот. Кстати, этот кузнец – сын полководца Ганнибала. Так что со мною по одну сторону стены родственники Сципиона, по другую – родственники Ганнибала. Наверное, поэтому мне трудно представить, что этот город будет разрушен. У кого поднимется рука?

– Разрушать? – проговорил Публий. – Старик Катон, как всегда, увлекался. Я не намерен этого делать. Я лишу город жизни, и только мертвые камни будут напоминать о его былом величии. Штурм не удался. Я отрежу Карфаген. Он сам падет к моим ногам, как сгнившее яблоко.

В тот же день с городской стены карфагеняне видели, как вражеские воины долбят ломами и лопатами каменистую землю. Ров сооружался на расстоянии полета стрелы от города. Прикрепив к стрелам записки, осажденные посылали их осаждающим:

«Мулы Сципиона! Копайте глубже! Не ленитесь! Вы роете себе могилу».

Перешеек, отделявший полуостров, на котором находился Карфаген, от материка, имел в ширину двадцать пять стадиев. И работы были рассчитаны на месяцы. Консулу докладывали, что воины ропщут.

– Ничего! – говорил он Полибию. – Безделие – бич для осаждающих. И для нас с тобой найдется работа.

Не кажется ли тебе, учитель, что пора заняться историей?

– А чем я занимаюсь, находясь с тобой рядом?

– К истории этой войны, насколько я понимаю, ты приступишь не скоро, – проговорил консул, улыбаясь. – Пока еще живы очевидцы старых битв...

– Ты имеешь в виду Масиниссу?

– Вот именно! Ты же мечтал о встрече с ним для устранения некоторых пробелов в твоей истории. Я думаю, для этого настало время. И заодно попытайся узнать о его намерениях.

Полибий взглянул Сципиону в глаза.

– Хорошо, мой друг. Я с удовольствием выполню твою просьбу.

Последний день Масиниссы

Масинисса вошел в детскую и осторожно опустился в кресло. Его семилетний сын и двенадцатилетний внук Югурта играли в кубики. Заметив Масиниссу, они бросились к нему.

– Играйте, дети! – проговорил царь, вздыхая. – Стройте свою Цирту³.

– Дядя, – произнес Югурта с укоризной. – Разве ты не видишь, что мы играем в осаду Карфагена. Это городская стена с воротами и башнями, а здесь, на перешейке, римский лагерь.

– А что за стеной?

³ Ц и р т а – столица Нумидии.

– Город с храмами, дворцами, со всем, что там есть. Ты знаешь лучше нас. Расскажи о Карфагене. Ты же его осаждал.

– Пятьдесят два года назад...

– А это много или мало? – спросил малыш.

– Столько лет, сколько твоему дяде, и прибавь еще двадцать пять.

– Так много! – пропищал малыш. – Дядя Мастанбал такой старый.

– И вовсе мой папа не старый! – обиделся Югурта. – Видел бы, как он скачет на коне.

А ты, дедушка, старый: ты сидишь дома.

– Да, внучек! Я старый. – Масинисса погладил мальчика по голове. – Но старый – не тот, кто не может сесть на коня. У старого нет сверстников, и никто не помнит его молодым.

– И ты еще разговариваешь сам с собой, – добавил Югурта. – Вспоминаешь какого-то Сципиона. Это его лагерь под Карфагеном?

– Тогда было все другое... Другой Карфаген, другая Нумидия, нераспаханные степи, другой Сципион... Тому я помогал. Будь я моложе, я бы еще исправил свою ошибку.

Масинисса наклонился к кубикам и дотронулся высохшими пальцами до квадрата римского лагеря.

– Я бы повел конницу сюда и сбросил ромеев в море. А потом из лагеря, – старец вынул из стены кубик, – вышел бы суфлет Гасдрубал. Мы бы с ним обнялись, как братья, я бы заключил союз с ним и его городом на вечные времена. Я бы помог ему вернуть Испанию и острова...

В комнату вошел слуга.

– Тебя хочет видеть эллин, – сказал он.

– Пусть войдет. Дети! Поиграйте в перистиле.

В детскую вступил Полибий. Поклонившись царю, он представился:

– Полибий, сын Ликорты.

– Ликорта! Я что-то вспоминаю. Да! Это имя носил стратег ахейского союза, достойный наследник Филопемена.

– Это мой отец, – подтвердил Полибий.

– Сейчас Ахайя переживает тяжелые времена. Почему бы ахейцам не заключить союз с Карфагеном? Говорят, что в беде двоим легче.

– Извини, царь, но я не из Ахайи. Я из римского лагеря под Карфагеном.

– Ахеец, сын Ликорты, в римском лагере? Я стар, и мне это трудно понять.

– Сейчас объясню. Семнадцать лет я жил в Италии как изгнанник. Вначале я только и думал о возвращении на родину. Но потом мне попал в руки дневник Сципиона. Я стал писать историю той войны, идя следом за твоим другом Сципионом. В дневнике много говорится о тебе. Там есть непонятные мне имена.

– Спрашивай!

– Что говорит тебе имя Килон?

– Килон был ушами и глазами Сципиона, – отозвался старик. – Он проникал в стан врагов и узнавал об их силах и намерениях. Килону римляне обязаны сожжением лагеря Сифакса. Это была его последняя услуга.

– Почему последняя?

– Килон был схвачен и распят, а потом долго висел на столбе с пустыми глазницами. Я часто его вспоминаю, жаль, не выдал его раньше.

– Не сможешь ли ты разъяснить одно обстоятельство, крайне важное для моей истории. Софониба...

– Нет! – отрезал царь. – Это моя жизнь. Пусть, как говорят римляне, «все мое останется со мною». За мои ошибки, – добавил он, затрудненно дыша, – придется расплачиваться внукам.

Масинисса внезапно откинулся назад. На смуглом лбу выступили капли пота.

– Тебе плохо, царь? – спросил Полибий.

Масинисса не отвечал.

Открытое море

Вечером на Карфаген обрушился ливиец, принеся с собой мелкую желтоватую пыль. Люди с лопатами расходились, прикрывая глаза краями одежд. Площадь, примыкающая к гавани, быстро опустела. Поднятые ветром волны с грохотом разбивались о недавно насыпанную дамбу. Она соединила набережную с небольшим островом в полутора стадиях от берега.

На островке виднелся приземистый дом с высокой башней. Когда-то на ней светил фонарь. Чужеземцы называли его «арсеналом», поскольку там хранилось снаряжение и оружие военных кораблей. Сами карфагеняне пышно именовали его «Домом Владыки морей», так как прежде он был резиденцией командующего флотом. Свыше пятидесяти лет дом пустовал – после поражения в Ганнибаловой войне Карфагену запрещалось иметь флот. Всего лишь год назад в Доме Владыки морей обосновался Гасдрубал.

В тот вечер вход на дамбу охранял человек богатырского сложения. У него были серые глаза, выдвинутый вперед подбородок, придававший лицу выражение силы и решительности. Голову покрывал бронзовый шлем с острым резным гребешком. У левого бедра на стальной цепочке висел кривой кинжал. По вооружению было видно, что это один из наемников, служивших в карфагенской армии. Звали его Ретагеном.

Ретаген попал в Карфаген за год до начала войны с римлянами. После поражения Ганнибала пуны не вербовали наемников в армию, но для внутренней службы в городе они, как и прежде, набирали несколько десятков кельбитеров.

Поступая на службу, Ретаген надеялся через два года вернуться в Нуманцию, где его ждала красавица Веледа, дочь старейшины Авара. Но вышло иначе. Неожиданно, на втором году службы, началась война с Римом. Путь на родину был отрезан. Уже три года Ретаген находился в Карфагене, испытывая все тяготы осады.

За это время Ретаген проникся уважением к народу, защищавшемуся с отчаянной храбростью. Когда римляне, хитростью выманив у карфагенян заложников и оружие, потребовали капитуляции беззащитного города, Ретаген видел женщин, отрезающих свои косы. На его глазах из волос, предназначенных для плетения корабельных канатов, вырос холм. Он знал, что из сотен тысяч карфагенян едва найдется сотня готовых сдаться на милость врагу.

Стоя на посту у дамбы, Ретаген думал и о своей далекой родине. Он вспоминал деревню в окрестностях Нуманции, дом из толстых бревен, частокол, украшенный черепами волков и медведей. В этом доме он вырос и провел детство. Из этого дома его, семилетнего мальчика, мать вытащила за руку во время набега римлян.

Он вспомнил скалу, на которой они укрылись, римских легионеров в блестящих касках. До сих пор в его ушах звенит крик женщины, бросившейся вниз вместе с детьми.

– Она, – объясняла потом мать, – боялась попасть в плен и не хотела, чтобы ее дети были рабами.

Тогда он впервые услышал слово «раб» и понял, что быть рабом хуже, чем умереть. Ретагена и других, находившихся на скале, от плена и рабства спас отряд нумантийцев. В сражении под скалой погиб отец Ретагена. Мальчик вместе с матерью и сестрами переселились в Нуманцию.

Ретаген вспоминал, как месяц назад он стоял здесь же на посту. Рабы доставили в крытых носилках членов Малого совета. У Дома Владыки морей носилки опустили на землю, и из них вышли те, кого в Карфагене называют «отцами города». Ретаген видел их одутловатые лица, пальцы, униженные перстнями, башмаки с серебряными и золотыми пряжками. Один за другим советники прошли в дома. Никто не знал, что происходило там в течение суток. Только на следующий день в восточной части гавани послышался стук. Кирки и лопаты вгрызлись в

каменистую землю. Ретаген понял, что карфагеняне решили прорыть новый канал из военной гавани в открытое море.

Внезапно послышались шаги. Обернувшись, Ретаген увидел быстро идущего человека. Это был кузнец Ганнибал, который, сменив молот на меч, показал во время боев за Магару чудеса храбрости. И все же Ретаген преградил путь на дамбу копьем.

– Надежда! – прошептал карфагенянин одними губами.

– Открытое море! – отозвался Ретаген, отводя копье.

* * *

Светильником в левой руке суфкет освещал висевшую перед ним медную доску, а пальцем правой водил по линии, обозначающей берег. Стук в дверь отвлек его от этого занятия.

– Входи, Ганнибал, сын Ганнибала! – торжественно произнес Гасдрубал.

И вот они сидят друг против друга – суфкет и человек лет сорока, курчавоволосый, светлолицый, голубоглазый.

– Многие годы, – начал суфкет, – к тебе в нашем городе относились так, словно бы ты был чужеземцем. Твоя мать эллинка, и этого было достаточно, чтобы не привлекать тебя к общественным делам. Но вчера, учитывая твое происхождение и проявленную храбрость, Большой совет единогласно назначил тебя главой священного посольства. Тир, а за ним и весь мир, должны узнать, что, несмотря на обрушившиеся беды, Карфаген существует, борется и возлагает надежды на помощь отеческого бога Мелькарта. Из Тира отправляйся в Антиохию, к Деметрию, сыну Селевка. Я помог ему утвердиться на престоле...

– Ты? – удивился Ганнибал.

– Это давняя история. Десять лет назад я возглавлял священное посольство в Тир. Буря загнала наш корабль в Тирренское море, и нам пришлось чиниться в Остии. Там я взял на борт двух членов египетского посольства. В пути выяснилось, что один из них – сирийский царевич Деметрий, тайно покинувший Рим, где он был заложником. Я приказал кормчему прибавить парусов, и через шесть суток мы были в Тире, где мои пассажиры пересели на сирийский военный корабль. Деметрий дал царское слово, что не забудет о моей услуге.

– Чего стоит царское слово! – заметил Ганнибал.

– Немногого! – продолжал Гасдрубал. – Впоследствии Деметрий оказался трусом, но отчаяние и труса может сделать храбрецом. Напомни Деметрию, что твой отец Ганнибал был союзником Сирии. Это поднимет его дух.

Суфкет встал, давая Ганнибалу знак, что аудиенция окончена. Они крепко обнялись, понимая, что больше не встретятся.

Небо порозовело. Огненный край мелькартова щита поднялся из-за моря, освещая своими лучами полукруг белых ионийских колонн и толпу, собравшуюся подле них. На башне Дома Владыки морей показались три воина. Они вскинули блестящие серебряные трубы, поднесли их к губам, и полились призывные, волнующие звуки.

Гребцы подняли весла, и первый из пятидесяти кораблей вошел в канал. Три месяца его рыли по ночам, тайком от врага, осадившего город. Трубы возвестили, что путь в море открыт.

По морщинистым щекам старца, стоявшего в толпе, текли слезы. Шестьдесят лет назад, еще матросом, он слышал в последний раз этот сигнал. Это было за год до битвы при Заме, решившей судьбу карфагенского флота, а вместе с ним и судьбу Карфагена. Серебряные трубы из храма Мелькарта, звеневшие все семь веков существования карфагенской державы, хранились жрецами до лучших времен. И вот они снова запели, и глаза людей, истощенных от голода, разувверившихся в спасении, зажглись огнем надежды. Люди смотрели вслед кораблям, скользившим по волнам Кафона к каналу. Мерно поднимались и опускались тяжелые весла.

У морских ворот Карфагена

Тиберий поднялся с коврика, на котором спал, и, приподняв край палатки, выполз наружу. Солнце заливало светом поверхность моря, желтый прибрежный песок, черепичные крыши огромного города.

Переведя взгляд туда, где тянулась прибрежная полоса, отделявшая Карфаген от моря, Тиберий невольно вскрикнул: по суше двигались паруса. Канал, прорытый карфагенянами, со стороны лагеря не был виден. Берега скрывали неведомо откуда появившиеся корабли. Белели только паруса, напоминавшие медленно летящих бабочек. И вот они уже в открытом море, качаются на волнах. Один из кораблей, отделившись, вышел в открытое море и, быстро набирая ход, вскоре исчез из виду.

Публий и Полибий, выбежав из палатки, остолбенели. Бледность разлилась по лицу полководца. Он первым нарушил молчание.

– Вот что означает затишье последних месяцев! Пуны пробились к морю.

Римские суда стояли на якорях неподалеку от дамбы. Многие из них были без оснастки. Команды по распоряжению полководца находились на берегу, участвуя в осаде. Если бы пуны сразу напали на римский флот, он был бы неминуемо уничтожен. Но, сделав разворот, корабли ушли обратно в гавань.

– Боги изменили пунам, – воскликнул Полибий. – Они лишили их разума.

– Узнать бы, что заставило их вернуться... – облегченно вздохнул Сципион.

О причине странного поведения карфагенян Сципион узнал позднее от пленного моряка. Гадание, без которого карфагеняне не начинали ни одного дела, оказалось неудачным. Брошенный в воду кусок дерева в виде ладьи пошел ко дну. Сражение решили отложить.

Воспользовавшись промахом пунов, Сципион приказал привести суда в боевую готовность. Когда через три дня карфагенский флот снова вышел из канала, его встретила оснащенная римская эскадра из 120 кораблей.

За морским сражением Тиберий наблюдал, стоя рядом с Публием и Полибием. Юркие вражеские корабли напали на неповоротливые римские суда, ломали весла, делали в бортах пробоины. С трирем баллисты метали стрелы, обмотанные горячей паклей. Бой продолжался до вечера. Море покрылось обломками. Но ни одна из сторон не могла считать себя победительницей.

Не желая рисковать флотом, на который возлагалось столько надежд, Гасдрубал отдал приказ возвращаться в гавань. Но боги и впрямь отвернулись от Карфагена: первыми войдя в канал, мелкие суда загородили проход большим кораблям. Этим немедленно воспользовались римляне. Они загнали карфагенские корабли в крохотную бухту и полностью уничтожили. Дым гигантского пожара был виден из, любой части оцепеневшего города.

В Тире

День, не отмеченный в календаре Тира пурпуром, неожиданно стал праздником. Тирийцы с ликующими криками «Пришел! Пришел!» сбежались в гавань. Ткачей можно было узнать по бледным лицам, красильщиков – по рукам, красным по локоть, медников – по копоти на одежде, плотников – по стружкам в волосах.

Два месяца назад, в день воскрешения Мелькарта, когда с матерью городов Тиром сливаются в жертвенном порыве рассеянные по всему миру колонии – дочери, не было посланцев лишь от одной из них – от Картхадашт. За семьсот лет со времени рождения ее на свет не было случая, чтобы дочь пренебрегла празднеством матери и не прислала в храм Мелькарта дочерних даров. Что бы ни происходило на море и в мире, какие бы ни одолевали бедствия,

корабль Картхадашт в этот день появлялся в порту Тира с той же неизменностью, с какой сам Мелькарт в сиянии лучей появлялся на утреннем небе.

Вскоре стало известно, что ромеи, выманив у Картхадашт сначала ее сыновей, а затем и оружие, осадили город и отрезали его от моря. В Тире был объявлен траур. По улицам, застроенным многоэтажными домами, прошла священная процессия. Жрецы в черном, с пеплом на головах, размахивали кадилами и призывали молиться Дагону, Ваалу, Астарте и другим богам и богиням, ибо никто, кроме них, не может вступить за беззащитную дочь Тира. Богатые торговцы пурпуром, стеклом и благовониями, обычно щедрые лишь на посулы, на этот раз не поспешили. Во всех храмах матери городов день и ночь дымились кровь жертв, и к небу возносился аромат благовонных курений.

Увидев входящую в гавань гаулу с луной и звездой – знаками Танит, город ликовал. «Боги, вняв молитвам, приняли наши жертвы», – говорили жрецы. Купцы, не пожалев драгоценных мидийских ковров, расстелили их на всем пути от мола до храма Мелькарта. Однако Ганнибалу, сыну Ганнибала, не пришлось ощутить пятками мягкость ворса. Ремесленники, собравшиеся в гавани, подхватили его, когда он был на сходнях, и с криком: «Да здравствует Ганнибал», – понесли к храму Мелькарта. В толпе, заполнившей улицы, было немало тех, кто некогда видел Ганнибала, сына Гамилькара. Они размазывали слезы по щекам, уверяя, что Ганнибал и его отец все равно что две капли молока.

После принесения Мелькарту запоздалых даров, Ганнибала провели в пристройку храма, где он встретился со столетним старцем, главным жрецом. Выслушав посла, жрец показал на свитки в настенных шкафах.

– Здесь, – сказал он, – все, что происходило в нашем городе за две тысячи лет. Цари сменяли друг друга. Что тебе скажут их имена: Абабал, Хирам, Балбазер, Абдастарт, Филлет? Все они правили до Пигмалиона, сестра которого Иллиса основала Картхадашт. А какие бедствия испытал наш Тир! Его осаждали ассирийцы. Царь македонян Александр засыпал камнями пролив, отделяющий наш остров от моря, полностью разрушил город. Это было всего шесть поколений назад. Где же следы разрушений? Ты их не увидишь. Тир стал еще прекрасней, еще богаче, чем раньше. Нашему Мель – карту приносят жертвы города – дочери Берит⁴, Китион, Картхадашт, Утика.

– Трусливая, презренная Утика! – перебил Ганнибал. – Это ей мы обязаны нашими бедами. Она без боя открыла свои ворота, подставила нас под удар.

– Было и это, – бесстрастно подтвердил жрец. – Когда Тир осаждали ассирийцы, им дал свои корабли Библ⁵. Но и наши цари не помогли Сидону, когда он поднял восстание против ассирийцев. Поэтому Ассар – гад, царь ассирийцев, передал нам земли Сидона.

– Зачем ты мне все говоришь! – вспыхнул Ганнибал. – Я не хочу слышать о каких-то древних царях. Чем они могут помочь моему Карфагену? Я тороплюсь к Деметрию в Антиохию.

– Не гневайся, сын мой! – печально проговорил жрец. – Я не отнимал твоего времени пустой болтовней. Примерами прошлого я хотел тебя утешить. Не торопись в Антиохию. Там уже полгода как не правит Деметрий, сын Селевка. Престол Антиохии захватил самозванец Александр Балас, поддержанный римлянами.

Решение

На заре стратег Ахейского союза Дизй проснулся от стука и, с трудом преодолевая сон, поспешил к двери. То, что он увидел, можно было принять за продолжение сна. Перед ним

⁴ Б е р и т – древний финикийский город к северу от Тира, ныне – Бейрут.

⁵ Б и б л – древний финикийский город, ведший торговлю папирусами. От его названия произошли слова «Библия», «библиотека».

стоял Коман, ушедший вместе с Критолоем на помощь восставшей Македонии. Нет, не тень брата, а сам он, как всегда веселый, хотя и страшно худой.

– Коман! – вскричал Диэй, с трудом освобождаясь от братских объятий. – Я верю, что ты и теперь можешь отправиться в Олимпию и принести Коринфу еще одну оливковую ветвь. А я ведь уже воздвиг тебе кенотаф!

– Ты поторопился, брат, – сказал Коман, широко улыбаясь, – Харон не захотел меня принять, посчитав, что от живого ему будет больше пользы. И не ошибся, старикан! Придя в себя и выбравшись из-под груды трупов, я отправил к нему вместо себя троих ромеев. Так как я был безоружен, их пришлось задушить. Меммий не досчитался троих.

– Почему Меммий? – удивился Диэй. – Ведь легионами командует Метелл.

– Потому что Меммий сменил Метелла. Я узнал об этом от тех же троих, когда, притаившись, слушал их болтовню о консуле.

– Вот оно что! – протянул Диэй. – Теперь понятно, почему Метелл в своем послании предлагал нам не только жизнь, но свободу и имущество, которое мы могли бы унести на плечах. Он не хотел оставлять славу Меммию.

– Меммий оставит нам только жизнь – я это понял из разговора той же тройки, делившей наше добро.

– Что же делать, брат? Что можешь посоветовать ты, уже общавшийся с богами?

– Я думаю так: если нас уже числят рабами, то мы ничего не потеряем, если освободим и вооружим наших рабов.

Тотчас Диэй послал за советниками. Оставаясь в перистиле, Коман был свидетелем разгоревшегося спора.

– Нашему Коринфу восемьсот лет! – вопил Пифодор.

– Тысяча восемьсот, – поправил Диэй. – Ведь до того, как называться Коринфом, он носил имя Эфира.

– Не перебивай меня! Сколько раз враги осаждали наш Коринф? Припомни, был ли случай, чтобы в крайних обстоятельствах наши предки освобождали рабов и давали им – оружие? Ромеи мудрее нас. У них есть поговорка: «Сколько рабов, столько врагов». Я хочу сказать, что лучше открыть ворота ромеям, чем вооружать наших смертельных врагов.

– В одном ты прав, – сказал Диэй. – Наши предки действительно не вооружали рабов. Но ведь им не угрожали ромеи. Ни тебе объяснять, как поступают ромеи со своими недругами. Вспомни семьдесят городов Эпира, разрушенных Эмилием Павлом, несмотря на то, что их обитатели только готовились поддержать Персея. А мы войну с ромеями уже начали. На что же ты рассчитываешь?

– А на что рассчитываешь ты? Знаешь ли ты рабов, как их знаю я?!

– Где уж мне! У нас с братом только пять рабов, а у тебя, Пифодор, их пять тысяч. Разумеется, у тебя есть основания опасаться своих рабов. Но не забывай, они понимают, что не получают от ромеев свободы. Им известно, как ромеи обращаются с рабами. Что и говорить, ты заплатил за рабов немалые деньги и не хочешь дарить их городу. Но мы оплатим из господской казны твои убытки. Более того, мы приобретаем у тебя оружие для воинов.

– Хорошо! – взвизгнул Пифодор. – Пусть берут копья и мечи из моих складов за полцены.

– Благодарю тебя! – торжественно произнес стратег. – Перед лицом смертельного врага мы должны быть едины.

В доме с колоннами

Яркая зелень пробилась из-под земли. В заброшенном саду за некрополем цвели яблони. Стаи птиц, зимовавших в скалах Тунисского залива, с гортанным, радостным криком летели на север. Воины провожали их взглядом, завидуя, что они скоро будут в Италии.

Шла третья весна осады Карфагена. С вала были видны улицы, покрытые трупами умерших от голода. Перебежчики уверяли, что многие, не выдержав мучений, умертвили себя и детей. Началось людоедство. За зиму население города убавилось втрое. Но и теперь в нем оставалось не менее ста тысяч жителей.

На заре мартовских календ призывно запели трубы, и легионы пошли на приступ. Заработали катапульты. В защитников города полетели тучи стрел. Ослабевшие от голода пуны недолго сопротивлялись бешеному напору римлян. Через час после начала штурма римляне вышли на набережную. Заняв ее, они проникли через мраморные ворота на площадь, окруженную великолепными зданиями.

И вот они у дома из серого камня с колоннадой. Вблизи стало видно, что колонны с ребристой поверхностью завершились капителями в виде цветков лотоса. От этого здание казалось легким и воздушным. Перед ним на постаменте возвышалась огромная металлическая фигура мужчины, напоминавшего телосложением греческого Апполона.

У статуи возлились два легионера. Вскрабкавшись на постамент, один из них, помоложе, пытался отрубить у статуи палец. Металл не поддавался, но легионер упрямо колотил мечом.

Воин постарше, скептически глядя на занятие товарища, со смехом ему советовал:

– Если хочешь потерять время, Меммий, рассыпь просо и собирай.

– Не мешай, Постумий! – буркнул молодой воин. – Этим пальцем можно расщитаться с ростовщиком.

– Оставь! Это не золото.

В это время из-за угла показалась долговязая фигура Полибия. Края его плаща развевались по ветру.

– Воины! – крикнул он. – Все статуи – собственность римского народа. Так распорядился консул.

– Слышишь, Меммий, – проговорил воин постарше. – Это не для нас.

Легионеры нехотя побрели по площади, мощенной тесаными камнями.

Полибий, подняв голову, внимательно разглядывал дом с колоннами. За этим занятием его и застал Тиберий.

– Сколько раз в своей истории, – сказал Полибий, – я описывал заседания в Большом совете Карфагена, споры между Гамилькаром и Ганноном, прием римских послов. Но теперь это здание передо мной. Может быть, здесь хранится архив, которого мне так недоставало?

– А что это за статуя? – спросил Тиберий.

– Трудно сказать... Во всяком случае, это не бог. Видишь, какой решительный поворот головы. Рука, обращенная на запад. Думаю, что это какой-нибудь карфагенский полководец, удостоившийся великой чести охранять вход в карфагенскую курию. Кто бы мог удовлетворить наше любопытство?

– Вряд ли мы кого-нибудь найдем. А если заглянуть внутрь?

– Прекрасная мысль! – подхватил Полибий.

Они вступили под своды портика и оказались в огромном зале. Стены его были покрыты ипписанными медными досками.

– Кажется, это пунийские элогии⁶, – предположил Полибий. – Какая жалость! Перед нами развернута история Карфагена, но мы не можем ее прочитать.

– А это что? – спросил Тиберий, показывая на две мохнатые шкуры, обрамлявшие с обеих сторон длинную медную доску.

– Похоже, что это охотничьи трофеи. Какой странный обычай: обвешивать ими стены курии.

⁶ Элогии – надписи в честь выдающихся полководцев и политиков, устанавливавшиеся в общественных местах Рима и других городов Италии.

Тиберий коснулся пальцем медной доски.

– Тогда это элогия знаменитому охотнику.

Полибий подошел ближе и ощупал одну из шкур.

– Нет, это не медведь, – проговорил он. – У медведя шерсть более мягкая. И не альцес⁷.

У того шерсть короче.

– Похоже на обезьяну.

– Да, действительно, сходство есть. Но где ты, юноша, видел обезьяну таких размеров? Думаю, нам с тобой самим загадки не решить. Давай, снимем эту доску. Кто-нибудь из пленников, знающих наши языки, переведет надпись.

Тиберий всунул в щель между доской и стеной меч и с силой потянул его на себя. Доска отскочила, подняв столб пыли.

Цена свободы

В тот же день на другой стороне внешнего круга земель такую же трагедию переживал Коринф.

Словно по мановению зеноновой судьбы, распались зримые и невидимые цепи. Обитатели сотворенной на земле преисподней коринфских эргастулов заполнили опустевшие улицы прекраснейшего из городов Эллады и потекли серыми толпами по направлению к театру. Сегодня они были господами Коринфа, завтра должны были стать его спасителями. Люди, еще вчера вершившие их судьбы, укрылись за стенами домов. Им не светило солнце, и мир казался серым, словно бы вывернутым наизнанку.

У тех, кто пришел из эргастулов, были бледные, восковые лица. Они щурились на солнце и, блаженно улыбаясь, подставляли ему свои обожженные огнем руки и исполосованные бичами спины.

Отпущенных с кораблей можно было узнать по неуверенной походке. Они ставили босые ступни так, словно шли по палубе с вбитыми в нее гвоздями, крутили головами и к чему-то прислушивались.

При виде их сердобольные старушки выносили из домов миски с дымящимися бобами. Они, привыкшие к корабельным помоям, смотрели на дары с удивлением, не веря, что это для них. Опомившись, выхватывали миски из рук, обжигаясь, глотали бобы, и на их оступевших лицах появлялось почти человеческое выражение.

Домашние рабы держались особняком. Их души были извращены и изуродованы рабством. Они привыкли к теплу господского дома и объедкам с господского стола. Свобода их не радовала, а пугала.

За Афинскими воротами всех ждали ящики с оружием со складов Пифодора. Каждый подходил и брал то, что было ему по руке, что стало привычно за годы неволи, или то, чем он владел в другой, светлой части своей жизни. Те, что из эргастериев, уверенно брали мечи. Может быть, они не умели с ними обращаться, но знали, как из бесформенного куска получается меч. Те, что с кораблей, хватали длинные македонские копья, напоминавшие весла. Но часть из них, родом с Крита, бросилась к лукам, излюбленному оружию островитян. Домашние рабы ходили от ящика к ящику, не зная, на чем остановиться. И поскольку надо было что-то взять, брали то, что полегче, – дротики, пращи.

И вся эта масса вооруженных людей потянулась в театр и заполнила его целиком, так что воинов можно было не считать – их было столько же, сколько зрителей в дни представлений трагедий Софокла или Эврипида – двадцать две тысячи человек.

⁷ А л ь ц е с – лось (лат.). Полибий, как явствует из его труда, охотился и на медведя (в Македонии), и на лося (на севере Италии).

Вчерашние рабы долго устраивались. Надо было куда-то девать оружие. Они зажимали копья между колен, привязывали мечи к поясу, обвешивались луками. На лицах, выражавших спокойствие и уверенность, можно было прочесть: «Нас не обманули. Нам дали оружие, и мы сидим там, где веками сидели только свободные». Солнечные лучи, отражаясь в металле, играли в воздухе. Как ты прекрасна, свобода, хотя бы на несколько дней, до первого боя!

На деревянный помост – немногие из сидящих в театре знали, что он называется сценей, – вышел человек в серебряных доспехах и в шлеме с пером. Нет, это не был актер в роли Агамемнона, Менелая или другого ахейца времен Троянской войны. На его лице не было маски, на ногах – возвышающих котурнов. Представление, автором которого он был, должно было потрясти души не поэтическим вымыслом, а правдой без прикрас.

Стратег подошел к краю помоста, снял шлем и поклонился сидящим гражданам. Выпрямившись, он заговорил. Каждое произнесенное им слово звучало глухо, как корабельный колокол во время бури, охватывая все пространство, напоминавшее огромную накренившуюся к сцене чашу.

– Граждане! – сказал Диэй. – Вы пополнили наше войско в тяжелые для Коринфа и Ахайи дни. Разбито коринфское ополчение во главе с любимцем нашего народа Критолаем. – Голос стратега дрогнул. – Многие из вас, воины, не видели Критолая и даже не слышали о нем. Это был сын человека, увезенного ромеями в неволю, и, наверно, потому Критолай, неполный год исполнявший должность стратега, много раз обращался к ахейскому народу с предложением сделать вас полноправными гражданами. Но только теперь мне удалось осуществить задуманное им.

По театру прошло движение. Послышались одобрительные выкрики.

– У вас, граждане, – продолжал Диэй, – нет имущества. И, проходя по городу, вы могли подумать: «Какая же это свобода, если у них дома, а у нас ничего». Так знайте же, что истинные ахейцы вскоре сравняются с вами! Они отдадут родине все, чем обладают. То оружие, которое вам дано, куплено на драгоценности, добровольно пожертвованные женщинами. Так пусть оно послужит нашей общей свободе.

Граждане, воины, зрители, вчерашние рабы слушали, затаив дыхание. Они понимали, что спектакль подходит к концу. Его устроитель стратег Диэй сказал все, что мог, от чистого сердца. Но почему морщины сошлись на его лбу? Кажется, он недоволен собой. Да. В одном месте он отклонился от истины. Эти люди извели все. Но они еще не знают цены свободы. В первом же бою они ее оплатят сполна.

Последний день Карфагена

Вбежав в шатер Сципиона, Полибий остановился. На столе чадил светильник. Публий сидел, опустив голову на руки. Услышав шаги, он откинулся назад.

– Еще не рассвело? – спросил он, покачиваясь.

– Нет. Вторая стража.

– Тебе не спится? Куда ты исчез?

– Вот, – воскликнул Полибий, вынимая из-за полы гиматия свиток. – Я был в лагере пленников. Теперь у меня есть перевод той медной доски.

Публий провел ладонью по щеке и потянулся к бритве. Полибий знал, что Публий бредет каждый день, но еще никогда не видел его за этим занятием ночью.

– Ну и что там? – спросил он, начав скоблить кожу.

Полибий развернул свиток и стал читать:

– Постановили карфагеняне, чтобы Ганнон плыл за Геракловы столпы и основывал города. И он отплыл, ведя 60 пентеконтер, и вез он множество мужчин и женщин, числом в 30 тысяч, хлеб и другие припасы. Когда, плывя, мы миновали Столпы и за ними прошли

вдоль берега два дня, основали первый город, который называли Кадильница. Около него имеется большая равнина. Плывя оттуда на запад, мы достигли Солунта, ливийского мыса, густо поросшего деревьями. Соорудив там храм Морю, мы снова двигались на восток в течение полудня, пока не прибыли в залив, густо поросший высоким тростником. Там было много слонов и других пасущихся животных⁸.

Публий Положил бритву на стол.

– Когда это Ганнон успел побывать за Столпами Мелькарта? – удивился он. – Я слышал, что во время Ганнибаловой войны он не покидал Карфагена, а после нее у Карфагена не оставалось кораблей.

– Это не тот Ганнон, – отозвался Полибий. – Это Ганнон, живший триста лет назад. В надписи он назван царем. Этот царь-мореплаватель первым проплыл по океану до крайних пределов Ливии. Представь себе, об этом величайшем плавании не знает ни один эллин, ни один римлянин⁹.

Полибий снова наклонился над свитком.

– Особенно поразило меня это место: «Плывя оттуда три дня мимо горящих потоков, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом¹⁰. В глубине залива есть остров, населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью. Толмачи называли их гориллами... трех женщин мы захватили. Они кусались и царапали тех, кто их вел. Убив их, мы освежали их и шкуры доставили в Карфаген».

– Так это были огромные обезьяны! – воскликнул Публий. – Вот бы показать такой трофей во время моего триумфа!

– Знать бы об этом раньше! – сказал Полибий. – Теперь шкуры сгорели вместе с карфагенской курией.

Начало светать. Полибий поспешил к арсеналу, чтобы наблюдать с его кровли за битвой. Вместе с ним были легаты, которым он передавал распоряжения.

Бои шли на подступах к Бирсе. Каждый дом на трех узких улицах, ведущих к акрополю, был превращен осажденными в крепость. Пуны пропускали римлян вперед и бросали им в спину камни и черепицы. Сципион распорядился двигаться по крышам домов, подавляя очаги сопротивления один за другим. Воины перебрасывали бревна и доски на соседние или противоположные здания, шли по ним, балансируя, как канатоходцы. Иногда на мостках над бездной происходили схватки.

Обойдя храм Танит, римляне придвинулись почти к самой Бирсе. Пуны, воспользовавшись подземными ходами, соединявшими храм с разными частями города, снова оказались в тылу у наступающих. Посоветовавшись с Полибием, Сципион отдал приказ об отступлении к карфагенскому Форуму. Как только отступили воины, к трем улицам одновременно подошли три отряда факельщиков...

Пламя пожирало все, что попадалось на пути. Треск падающих домов сливался с воплями сгорающих заживо. Вслед за огнем шли legionеры, довершая его работу. Топорами и кирками они убирали обломки и головни, сбрасывали трупы в ямы.

На шестой день путь к Бирсе был расчищен. Карфагенский акрополь, сияющий и прекрасный, возвышался над черной пустыней. Из Бирсы повели колонну сдавшихся граждан Карфагена. Тут были мужчины и женщины с высохшей, как пергамент, кожей, с грязными, спутанными волосами. Некоторых несли на носилках.

⁸ Подлинный текст карфагенской надписи, дошедшей до нас в рукописи X в. н.э. на греческом языке. Плаванию Ганнона посвящена наша книга «За столпами Мелькарта».

⁹ Полибий ошибался. Прямые свидетельства о плавании Ганнона имеются у греческих авторов начиная с IV в. до н. э.

¹⁰ Ю ж н ы й Р о г – часть Гвинейского залива.

Богачи отличались от бедняков только остатками богатой одежды, золотыми кольцами в ушах, янтарными ожерельями на грязных шеях. Легионеры, под предлогом поисков оружия, отнимали у несчастных пленников все, что им нравилось. Постумий, соблазненный блестящими массивными кольцами в ушах молодой женщины, прижимавшей к груди ребенка, стал объяснять ей, чтобы она их ему отдала. Та не понимала и пятилась, еще крепче прижимая к себе ребенка. Постумий, разозлившись, изо всех сил дернул серьгу, разорвав женщине мочку уха. Женщина издала душераздирающий вопль.

Постумий протянул руку к другой серьге, но шедший рядом с женщиной пленник сильным ударом сбил грабителя с ног.

Тиберий, взглянув на смельчака, догадался, что это один из карфагенских наемников.

Поднявшись, Постумий выхватил меч. Тиберий подскочил в тот момент, когда он занес его для удара.

– Стой! – закричал он.

Постумий обернулся. Тиберий взял его за плечо.

– Опустит оружие! Ты сам виноват! Отнимать личные ценности не было приказа.

Легионер недовольно взглянул на Тиберия, но повиновался. «Чего доброго, – подумал он, – этот мальчишка сообщит обо мне консулу, тогда не оберешься неприятностей».

Римские перебежчики и Гасдрубал с семьей укрылись в храме Эшнуна, расположенном в самой высокой части Бирсы. Шестьдесят мраморных ступеней отделяли храм от площади, на которой в дни празднеств собирались верующие. Теперь на каменных плитах, отполированных тысячами ног, стояли враги. Задрав головы, они смотрели на серебряный купол, украшенный голубыми звездами, на стены, облицованные красноватым гранитом.

Внутри храма царил полумрак. Свет пробивался сквозь стекла продолговатых окон, ложась бликами на мозаичный пол. От багрового занавеса, закрывающего алтарь, исходил густой, одуряющий запах. По храму из конца в конец, наталкиваясь друг на друга, метались люди. Они сносили в кучу стулья и скамьи, срывали с себя одежды и бросали на пол, заламывая руки.

Человек в облачении жреца бормотал:

– Молитесь Эшнуну! Великий Бог ниспошлет спасение укрывшимся в его святилище.

Один из перебежчиков, оттолкнув жреца, закричал срывающимся голосом:

– Нет спасения! Подумаем о смерти!

– Хватайте светильники! Лучше сгореть в огне, чем погибнуть на кресте! – подхватил другой голос.

Храм запылал в нескольких местах и наполнился густым дымом. Пламя подступало к алтарю. Сорвав занавес, оттуда выскочил человек в блестящих доспехах. Прежде чем его смогли остановить, он был уже у выхода и в несколько прыжков очутился внизу, в ногах у Сципиона.

Обнимая ноги полководца, он кричал так громко, что его голос был слышен не только на площади, но и наверху, в храме.

– Пощады во имя богов! Спаси моих детей!

Из горящего храма выбежала женщина с двумя детьми. Они прижимались к матери, прячась в широких складках ее одежды.

– Трус! – кричала она. – Мои дети не будут добычей победителя!

Повернувшись, жена Гасдрубала бросилась в пламя. Кровля храма обрушилась, погребая тех, кто находился в нем.

Приказ сената

Осенью 608 года от основания Рима¹¹ из Утики в Карфаген скакал гонец. Он вез деревянную коробку, в которой лежал приказ сената Публию Корнелию Сципиону Эмилиану Африканскому. Последнее имя сенат присвоил Публию на специальном заседании, получив известие о падении Карфагена.

Содержание свитка гонец не знал. Ему лишь велели доставить свиток как можно быстрее. Поэтому гонец за трое суток спал лишь несколько часов.

В претории Сципиона толпились люди. Все они казались утомленными, хотя уже ровно нундины не воевали. Консул, его легаты и друзья ожидали развязки затянувшейся агонии великого города, поверженного, но еще живого.

Консул взял коробку из рук гонца. Когда он срывал свинцовую пломбу с четырьмя буквами SPQR¹², руки его дрожали. Едва развернув свиток, Сципион впился глазами в строчки. Лицо его потемнело. Он быстро вышел из претория и тихо отдал приказание центуриону.

Вскоре из лагеря к городу потянулась цепочка легионеров. В руках они несли зажженные факелы.

Семнадцать дней горел Карфаген. Семнадцать дней корчились в огне лимонные и миндальные деревья, за которыми так тщательно ухаживали опытные садоводы. Рушились арки и своды храмов. Гибли здания, сгорали спрятанные в тайниках сокровища богачей и жалкий скерб бедняков. Пылали библиотеки, хранившие мудрость народа.

На семнадцатый день Сципион, Полибий и Тиберий поднялись на скалу. Вместо прекрасного, полного жизни города, до самого залива простиралось черное безжизненное поле с бесформенными развалинами. Удушливый дым стлался над землей...

Тиберий взглянул на Сципиона. Его темные глаза, как показалось юноше, были влажными. Полибий сидел на камне и, положив на колени вощенные таблички, быстро писал, словно боясь утратить хотя бы одно мгновение.

Неожиданно Сципион продекламировал:

День придет, и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копыеносца Приама.

– Почему ты вспомнил Гомера, Публий? – спросил Полибий.

Обернувшись и взяв Полибия за руку, Сципион сказал:

– Державы, подобно нам, смертным, испытывают превратности судьбы. Придет время, и кто-нибудь будет стоять у развалин Рима, как мы стоим у могилы Карфагена.

– Закончилась еще одна глава истории, – произнес Полибий. – Мне посчастливилось быть ее действующим лицом. Спасибо тебе, Публий, за то, что ты предоставил мне эту возможность. Но у меня есть долг перед родиной.

Сципион помрачнел.

– Да! Этот Меммий. Вот несчастье, что твои ахейцы не согласились на мягкие условия Метелла. Видимо, они послушались бы твоего совета?

– Не думаю... Но я должен отправиться в Ахайю, увидеть все своими глазами и, может быть, облегчить участь несчастных.

¹¹ 146 год до н. э.

¹² Принятое в Риме сокращение начала официальной формулы, которой открывались постановления сената: *Senatus Populusque Romanus* – «сенат и римский народ (постановили)».

– Возвращайся скорее, Полибий. – Сципион обнял учителя. – Тебя ожидает подарок, какого не получал ни один из историков.

– Публий, я любопытен.

– Тогда не буду тебя томить. Я принял решение послать несколько кораблей за Столпы Геракла, по стопам Ганнона.

– В океан?!

– Да, в океан. Поскольку я не могу оставить Рима – разве только сенат объявит провинцией океан! – предлагаю тебе возглавить маленькую эскадру. Ведь мы называем провинцией то, что надлежит завоевать.

– Неужели это не сон! – воскликнул Полибий. – Ведь и об этом можно сказать словами Гомера:

Ты за пределы земли,
на Поля Елисейские будешь
Послан туда, где живет
Радамант златовласый.

Сципион и Полибий стали спускаться со скалы. Тиберий остался один. Вглядываясь в белое пятнышко, он различил фигуру быка. Ему вспомнилась картина в атрии родного дома, на которой изображен Ромул за плугом. Там бык – символ жизни, мощи и созидания, здесь – смерти и разрушения. Белый бык на поле, покрытом толстым слоем пепла. Медный плуг, по приказу сената взрыхляющий мертвую землю. Римский жрец в белой одежде, бросающий в землю вместо зерен соль и проклятья.

Когда Тиберий спустился со скалы, пленные уже были построены в колонну. Центурион, возглавлявший охрану, подошел к Сципиону. Тиберий слышал, как полководец распорядился:

– Полсотни пунов покрепче отдели для триумфа. Остальных – в Утику на продажу. Такова воля сената.

Через несколько минут колонна пленных двинулась. Замыкали ее старики и дети. Они шли без оков.

Последней плелась высокая худая старуха с всклокоченными космами седых волос. Проходя мимо Сципиона, она подняла к небу свои иссохшие руки и закричала по-гречески:

– Возмездие! Возмездие! Зерно, брошенное в землю, дает колос, из сливовой косточки рождается дерево, а из ненависти – возмездие!

Тиберий задумчиво смотрел вслед удалявшимся пленным, и сердце его ныло. Тиберий вспомнил, как по-детски радовался он, собираясь в Африку, и вдруг понял, что радоваться было нечему. Он вспомнил прощание с Блоссием и ощутил жгучую потребность встретиться с учителем, рассказать ему обо всем, что он прочувствовал за эти два года. Только с матерью и Блоссием он мог быть искренним. «В Блоссии нет напыщенности и многозначительности этого Полибия, – думал юноша. – Кажется, мать в нем ошиблась. И как он мог покинуть свою родину в смертельной опасности?»

Наследники Масиниссы

В то утро Консул принимал у себя нумидийцев. В послании сената кроме приказа об уничтожении Карфагена содержалось предписание о разделе Нумидии между наследниками Масиниссы – последнего из оставшихся в живых участника Ганнибаловой войны.

Идея сенатского решения была Сципиону ясна: рядом с новой римской провинцией Африкой, которая должна была включить ливийские остатки великой карфагенской державы, не должно быть могущественной Нумидии. Миссия Полибия лишний раз показала,

чем это грозит. «Но как они в сенате представляют себе раздел Нумидии!» – с негодованием думал Публий, оглядывая толпу наследников, которую не мог вместить просторный шатер. Не меньше претендентов, судя по доносящемуся гомону, оставалось и у входа в шатер. Принимая решение о разделе страны, они должны были подумать, сколько может быть родственников у человека, дожившего до ста лет, к тому же нумидийца».

– Остаться только сыновьям! – передал консул через толмача.

Нумидийцы, которые покидали шатер, выражали словами и жестами свое возмущение. Но место ушедших заняли другие. Двое из них держали на руках детей. Так что в шатре не стало просторнее. Дождавшись тишины, Публий встал и, взяв список племенных владений, приступил к переделу.

Но в это время из толпы наследников вырвался мальчик лет двенадцати и, сверкая глазами, стал что-то выкрикивать. Другой вступил с ним в спор.

Сципион обернулся к толмачу:

– Кто этот юный наглец? И что говорит другой?

– Это внук Масиниссы Югурта, – ответил толмач с поклоном. – Он уверяет, что Масинисса оставил завещание, где назвал его наследником, и отослал завещание в Рим. Другой – это дядя Югурты Мицепса – называет Югурту лжецом. Он говорит, что Масинисса вовсе исключил Югурту из числа наследников, ибо он родился от наложницы гречанки.

– Объяви: сенат ничего не сообщает об этом завещании. Мне приказано разделить Нумидию между наследниками. Я уполномочен только на это. В шатре, как я уже объявил, должны остаться только сыновья.

Покидая шатер, Югурта еще раз оглянулся. Сципион ощутил в его взгляде недетскую волю.

В Коринфе

Полибий шел по бывшей улице, мимо развалин, мимо легионеров, устроившихся на отдых. Он шел медленно, стараясь видеть и слышать все.

Двое легионеров сидели на перевернутой картине.

Один, щуплый, развязал свой мешок и достал оттуда кусок сала. Другой, рыжий и большеухий, делал вид, что дремлет. Но, улучив момент, он схватил сало и оно мгновенно исчезло у него во рту.

Щуплый не обиделся, а только выпучил от удивления глаза.

– Ну и обжора! – выдохнул он. – Не успел вынуть, а оно тю-тю.

– А что! У нас говорят: «От зубов до глотки путь короткий».

– Где это у вас?

– В Пицене. Нас большеротыми кличут.

Неподалеку от этих легионеров другие тоже расположились на картине и яростно бросали кости.

Полибий остановился, чтобы рассмотреть картину. «Да, это “Мидасов суд” из коринфского храма Аполлона. В Коринф приезжали специально, чтобы увидеть это произведение Эвломпия. Художник изобразил Аполлона в виде эллинского атлета, а фригийского царя Мидаса показал пышноодетым варваром. Это картина о победе эллинского духа и эллинской гармонии над варварской тупостью».

Решив, что прохожий заинтересовался игрою в кости, один из легионеров проговорил сильным и сдавленным голосом:

– Присаживайся, папаша. Будешь третьим.

Полибий отшатнулся и заторопился к видневшемуся вдали римскому лагерю.

Муммий Полибий застал отдыхающим в своем шатре. Консул встретил Полибия радостным возгласом:

– Наконец ты со своим Сципионом расстался. У нас в Коринфе не хуже. Смотри, голов-то сколько!

Он показал на огромную кучу бронзовых бюстов в углу шатра. Полибий подошел ближе и наклонился. Сверху лежала голова Филопемена. Под ней – голова его отца Ликорты.

– Воины наташили! – объяснил Муммий. – Все равно пропадает. А я виллу украшу. Говорят, коринфская бронза в цене.

– Картины, на которых отдыхают твои воины, – сказал Полибий, выпрямляясь, – стоят подороже.

– Размалеванные доски? – удивился Муммий. – А что в них ценного?

– Их написали великие художники. За одну из этих картин храм заплатил пять талантов.

– Ты не шутишь?

– Не шучу. Но теперь картина стоит дороже.

Муммий вскочил и выбежал из претория. Оставаясь в шатре, Полибий слышал его голос.

– И впрямь на досках устроились! Зады свои холят! А я сейчас ликторов пошлю с фасциями...

Услышав крик Муммий, но не понимая причины ярости консула, легионеры вскочили. Они уже не сидели, а стояли на картинах.

– У! Твари безмозглые! – надрывался Муммий.

Заметив трубача, он крикнул ему:

– Труби сбор!

Знакомые звуки заставили воинов подчиниться и построиться перед преторием. Расхаживая перед строем, Муммий втолковывал:

– Что было сказано? Ценное не ломать и не мять, а складывать в кучи перед преторием. Доски, на которых вы устроились, подороже голов будут. Центурионы! Пять шагов вперед.

Центурионы вышли из строя и замерли.

– Собрать доски! – распорядился Муммий. – Пересчитать и доставить прямо к кораблям. Если в Риме хоть одной не досчитаюсь, вас малевать заставлю.

Полибий шел к морю. Раньше оно было видно из любой части огромного города. Теперь города не было. Было два моря. Голубое море Посейдона и пепельно-черное – Марса: гребешки волн и руины, в которых не отыскать ни величественных храмов, ни великолепных портиков. Телекл не дожидаясь страшного дня своей родины. А его неразумный сын Критолай, взбаламутивший Ахайю, бросился в соляные копи.

Из-за развалин вывели толпу пленных. Именно так Полибий представлял себе в Риме судьбу несчастных эмирцев. «Теперь ведут моих соотечественников, – с горечью думал он. – И я бы мог быть в этой толпе».

Какой-то пленник выскочил из ряда и закричал:

– Полибий, взгляни на свою работу! Я – Диэй!

Да, это был Диэй. Растрепанные волосы, босые ноги, лохмотья богатой одежды.

Легионер древком копья толкнул Диэя, и тот смешался с толпой пленников.

«Кто я такой, – подумал Полибий, следуя за ахейцами, уводимыми в рабство. – Ромеи принимают меня за своего. Ахейцы за ромея. У меня нет жены – в мире не найдешь второй Корнелии. Нет родины, чем же я отличаюсь от них, у которых отняли все. Да, я раб Клио. Моя госпожа сурова и непреклонна. Какое ей дело до человека, отыскавшего в груди трофеев голову отца? Клио говорит мне: “Мой раб! Вытри глаза! Они должны быть сухи, как тетива баллисты, – иначе ядро, которое тыпустишь сквозь века, не достигнет цели!”»

Часть вторая. Боги и гиганты

Пять лет спустя

Полибий медленно шел по Священной улице к Форуму. Это был его обычный маршрут, с тех пор как четверть века назад он поселился в старом доме Эмилия Павла на Палатине. Улицы и дома остались прежними, но прежде, особенно в последние годы пребывания в Риме, его узнавали, ему кланялись. Теперь же никто не заметил, что в Риме после долгого отсутствия появился знаменитый историк и не менее знаменитый путешественник.

И то, что никто его не узнавал, встревожило Полибия. «Конечно же, – думал он, – я уже не тот, каким был. Но что значат пять-шесть лет для мужчины, занимавшегося гимнастикой даже в море, а на суше не пропускавшего ни одного дня палестры. Наверное, ушли из жизни те, кого я знал. Ведь к началу третьей войны с Карфагеном Сципиону Назике было за восемьдесят, Сульпицию Галу – за семьдесят, Элию Пету – за шестьдесят. Но Корнелия еще молодая женщина. Да и многие сенаторы моложе меня.

Случайность! – успокаивал себя Полибий. – В это время года нобили живут на виллах. Для плебеев же я был и всегда останусь чужестранцем».

– Дорогу! Дорогу триумфатору Аппию Клавдию! – послышался голос глашатая.

Полибий отошел к стене, предвкушая, что теперь-то он встретит своих старых знакомых. За триумфальной колесницей должен в полном составе следовать сенат.

Но какой это странный триумф! Стены домов не украшены гирляндами листьев. Улица полупуста. Обычно перед триумфальной колесницей ведут вражеского царя и сотни пленников. А тут с десятков лохматых, скованных цепями варваров. Кони, как обычно, белые. И разве это та триумфальная колесница, на которой стоял Цецилий Метелл? Какая-то деревенская повозка! Правда, одеяние триумфатора то же, и на запятках раб с плетью. Но где воины с их шуточной песней? Где сенаторы? На некотором расстоянии за колесницей лошадь тянула небольшой крытый возок.

А где же торжествующий народ? Эта сотня плебеев, с решительным видом идущих навстречу колеснице? Странно! Но они не кричат «Ио, триумф!»

Полибий прислушался. Толпа улюлюкала.

– Самозванный триумфатор! Стащите его!

И вот уже в руках появились тухлые яйца. Они полетели в повозку и, разбиваясь о ее борта, стекали отвратительными буро-желтыми пятнами.

Кто-то подскочил к коням и схватил их под уздцы.

Казалось, триумф испорчен бесповоротно.

Но в это время распахнулась дверца закрытой повозки. На ступеньках появилась женщина в длинной палле с белой повязкой на голове. При виде ее толпа расступилась. Люди, державшие коней, разбежались кто куда. Пройдя несколько шагов, весталка вступила на триумфальную колесницу и стала рядом с Аппием Клавдием.

Толпа ахнула. Через несколько мгновений те, которые только что шикали и свистели, в благоговейном молчании пошли за колесницей, приближавшейся к Форуму.

Опомнившись от удивления, Полибий подошел к одному из зевак, равнодушно наблюдавших за происходящим.

– Любезный! Ты не можешь мне объяснить, что это такое?

– Это, папаша, триумф.

– Но я присутствовал на триумфах Метелла и Сципиона, моего ученика и близкого друга, – недоумевал Полибий, – а это...

Зевака вместо изъявления уважения свистнул:

– Если ты друг нашего Сципиона, а не хвастун, почему ты здесь? Ведь сенаторы отказали этому спесивому старцу в триумфе, и он не догадался выставить для народа гладиаторов и дать угощение. Он не только жадюга, но и хитрец. Воспользовался тем, что его дочь весталка. Эти нобили и народ, и богов готовы обмануть!

Полибий кивнул головой плебею и двинулся к дому Сципиона. «Конечно, – думал он, – этот плебей не поверил, что я друг Сципиона, иначе он не стал бы хулить нобилей. Правда, уже в год моего появления в Риме народное собрание едва не отказало Эмилию Павлу в триумфе. Но тогда сказались возмущение воинов, недовольных, что полководец их не обогатил. Теперь же чувствуется ненависть к нобилям как сословию. Видимо, Рим, изображенный мною как идеальное сочетание трех государственных форм: демократии, аристократии и царской власти, стал другим. Плебеи подняли голову. Но ведь и нобили стали другими! Разве можно было бы раньше представить, что кто-нибудь осмелится провести триумф без соизволения сената? Прав Гераклит! Да, видно, не только в реку, но и в один и тот же город нельзя войти дважды. Но как стремительны перемены!»

В Энну

Дорогой в Энну шли двое. Отрепье, покрывавшее их тела, выдавало в них рабов.

Багровый край солнца поднимался из-за горизонта, освещая сжатые поля, скирды соломы, ряд кипарисов по одной стороне дороги и одинокие строения из серого камня по другой. Дул прохладный утренний ветер. Худой раб с тонкими чертами лица кутался в лохмотья, стараясь спрятаться от холода.

Шесть лет никто уже не называл его именем Диэй. Все его знали под кличкой Ахей, и сам он уже начал к ней привыкать.

Вместе с другими коринфскими пленниками Диэй попал на знаменитый рынок острова Делоса. Здесь его разлучили с Команом. Здесь он познал смысл поговорки: «Купец, причаливай, выгружай, все продано».

Не успели еще вывести всех из трюма, как набежала толпа, с жадностью разглядывая живой товар. По выговору Диэй определил, что эти эллины – уроженцы Италии и Сицилии.

Один из торгашей сунул пальцы в рот Диэю. Перекупщик назначил цену, продавец не торговался. Он знал, что все покупатели живого товара здесь в сговоре. Везти же рабов в другое место, где за них могли дать настоящую цену, опасно: море кишело пиратами.

Диэя продали в Сицилию, там он попал к богатому римскому всаднику Публию Клонию, от которого и получил свое новое имя. Перед смертью Клоний отписал его по завещанию вместе с дюжиной других рабов местному эллину Дамофилу. Ахей сделался пастухом, и жизнь его стала более сносной. За ним никто не присматривал. Плохо было только с одеждой. Ахей не хотел заниматься разбоем, и поэтому всю зиму ходил в лохмотьях, коченея от холода.

Жалкое рубище его спутника покрывала волчья шкура, на ногах болтались скульпонеи¹³. По походке и манере держаться видно было, что до того, как стать рабом, он служил в войске. Крупные черты лица, рыжие волосы выдавали в нем кельтибера. Это был Ретаген.

Из Карфагена его привезли в Утику, а там посадили на корабль. Никогда ему не забыть трюм, набитый людьми, стоны больных и раненых, надсмотрщиков, бросающих за решетку заплесневелый хлеб, копье, воткнутое в землю в знак того, что продается военная добыча, покупателей, толпящихся у помоста, человека с мутными глазами, заискивающие поклоны барышников и многозначительный шепот: «Дамофил».

¹³ Скульпонеи – деревянные башмаки.

Этот сицилиец стал его хозяином. Купил, не торгуясь. Приказал управляющему отсчитывать деньги...

С тех пор прошло шесть лет. Больше Ретаген не видел его ни разу. Но слухами о нем и его богатстве полнилась вся Сицилия. Бесчисленные стада Дамофила паслись на склонах гор и лугах острова. Но главным богатством Дамофила были рабы. Он шутил, что со своими рабами мог бы осадить и взять Карфаген, если бы за него это не сделал Сципион Эмилиан. Рабы Дамофила пасли скот, обрабатывали землю, были каменотесами, строителями. На рынках острова он выбирал их сам, а из других мест их доставляли его многочисленные агенты.

Ахей уговорил Ретагена пойти к господину и попросить хотя бы старую одежду, а не эту рвань. «Не может же, – рассуждал он, – богатый человек, да еще соотечественник, отказать своему рабу в таком пустяке!»

Рабы шли молча. Дорога стала круто подниматься в гору, петляя среди виноградников и фруктовых садов.

У мостика, перекинутого через ручей, путники остановились.

– Отдохнем? – спросил Ахей.

– Пожалуй, – согласился Ретаген.

Они сошли с дороги и растянулись на влажной от утренней росы траве. Ахей достал из котомки краюху черствого хлеба, с трудом разломил ее пополам и протянул половину спутнику. Затем он склонился к ручью и, погрузив лицо в холодную воду, стал пить. Напившись, он вытер губы, растянулся на спине и начал медленно жевать хлеб.

– Слушай!

Ахей повернул голову в сторону Ретагена.

– Я давно хотел спросить, веришь ли ты в чудеса?

Ахей помотал головой.

– После того, что со мной случилось, я ни во что не верю.

– А меня спасло чудо, – сказал кельтибер. – Легионер в Карфагене уже занес надо мною меч, и вдруг подбежал юный ромей (потом я узнал, что это шурин полководца Тиберий Гракх) и приказал воину идти прочь.

– Тебе повезло! – отозвался Ахей. – А вот я после того, как попал в плен, не встречался ни с одним порядочным человеком.

– Мне рассказывали, что в Энне живет раб, который творит чудеса.

– Как его зовут?

– Не знаю, но он называет себя Евном. Раб говорил, что Евн изрыгает изо рта пламя и предсказывает будущее. Все его предсказания исполняются... Давай сходим к нему!

– Ну что же! Побываем у господина и сходим, если тебе так хочется.

Рабы встали и бодро зашагали к городским воротам.

У Сципиона

Впущенный в дом привратником, Полибий стоял в атриуме, прислушиваясь к беседе. Голоса были ему явно знакомы: говорили Делий и Сципион.

– Этому надо положить конец! – сказал Лелий. – Богатства, которыми мы обязаны нашим завоеваниям, погубят Италию. Рим переполнен потерявшими землю плебеями.

– В войске некому служить, – добавил Сципион. – Воины не могут приобрести оружие. А ведь наши недруги не дремлют.

– Зато богатеют проходимцы, – продолжал Лелий. – Как раз о них наш Гай сказал: «Те, кто родились ослами, остались скотиной».

– Лучше послушайте мои новые стихи, – услышал Полибий незнакомый голос. – Я написал их вчера:

Если бы людям было довольно того, что довольно,
Мне бы и этого было довольно. Но мы не такие —
Вот и не могут меня насытить любые богатства.
Сколько дурак ни имеет, все ничем не доволен.
Ты говоришь — «Человек или деньги?» Какое сравненье!
Что человек против денег?! Вот так и не знаешь,
что выбрать...

Полибий решил не дожидаться конца чтения и вступил в таблин. Его появление было встречено радостными криками. Публий бросился к Полибию и начал тискать его в объятиях. Флегматичный Лелий широко улыбался. Человек, читавший стихи, встал и представился.

— Гай Луцилий.

— Мой сосед по поместью в Суэссе, землевладелец и римский всадник, — добавил Сципион.

— Извини, что я прервал твоё чтение, Луцилий, — проговорил Полибий.

— Это тебя обязывает продолжать чтение самому, — засмеялся Лелий.

— Но ведь я не пишу стихов, — отозвался Полибий.

— Это мы знаем! — выкрикнул Сципион. — Но ты же, наверное, описал своё великое плавание!

— Нет! — сказал Полибий. — В голове моей гул океанских валов, и пока он не уляжется, не возьмусь за стиль. Но что я могу сказать на словах? За нашим кругом земель лежит другой, неведомый, открытый Ганионом. Его отчет карфагенской курии, попавшей в наши руки, позволил увидеть необычайное и избежать гибели. Через месяц я официально сообщу сенату о плавании. Но в Риме, как я сегодня убедился, тоже происходят чудеса...

— Ты имеешь в виду триумф старого сумасброда? — перебил Сципион.

— И не только, — вздохнул Полибий. — Кажется, в Риме всё идет к гражданской смуте.

— Да, это так. Твои наблюдения верны, — проговорил Сципион. — Мы часто говорим на эту тему и пришли к такому же заключению.

— Что же произошло? — спросил Полибий.

— То, о чем предупреждал Сципион Назика, да будут к нему милостивы маны, — ответил Лелий. — Карфаген не надо было разрушать. Хлынувшая в Рим огромная добыча обогатила немногих. Эти немногие, следуя совету Катона, стали скупать земли. Масса плебеев, оставшись без земли, хлынула в Рим и требует своей доли в виде хлеба и гладиаторских боев. Надо вернуть, пока не поздно, свободных римских граждан в деревню, на места, которые теперь занимают рабы.

— Наш друг Лелий, — пояснил Сципион, — продумал текст закона. Он предложит его сенату и римскому народу в будущем году, когда я вступлю в должность цензора.

— Боги мои! — воскликнул Полибий. — Как течет время! Мы познакомились, когда ты был юнцом, едва одевшим мужскую тогу, а теперь ты достиг высшей ступени почёта. Я радуюсь вместе с тобой, мой друг.

— Как говорят, у денария есть и обратная сторона! — улыбнулся Сципион. — После цензуры жизнь идет на спад. К тому же, избрав цензором, римский народ не оградил меня от неприятного соседства: моим коллегой стал разрушитель Коринфа Луций Муммий.

— Я знаю этого человека, — проговорил Полибий после паузы. — Раньше я думал о нём хуже. Но ведь на его месте так же поступил бы каждый римлянин. А то, что он невежда, в этом виноваты его родители, не давшие ему эллинского воспитания...

— Довольно об этом, — перебил Сципион. — Скажи лучше, как твоя история?

— Я написал вчерне ещё двенадцать книг. Надеюсь их закончить в Риме и обнародовать...

– Какое счастье! – воскликнул Сципион. – Ты будешь жить у меня. Семпрония без ума от твоей истории. Каждый день мы будем завтракать и обедать за одним столом. Кстати, – добавил он, переменяя тон. – Иссомах скончался через месяц после твоего отъезда. Поэтому твои вещи хранятся у меня.

Полибий молчал. По лицу его пробежала тень.

Утро Мегаллиды

Солнце стояло уже высоко, когда Мегаллида поднялась с ложа. Дамофил женился на ней, дочери надсмотрщика, через год после смерти своей первой жены, которая оставила ему дочь Клею.

Натянув на голое тело тунику из косской ткани, Мегаллида лениво потягивалась. Ноги с ярко накрашенными ногтями утопали в ворсе роскошного, во весь пол, мидийского ковра. Чтобы приобрести его, пришлось отказаться от покупки пяти молодых рабынь. «Или то, или другое!» – сказал Дамофил. При всем своем богатстве он был фантастически скуп.

В углу комнаты Мегаллида опустила на мягкий стул перед бронзовым зеркалом в золотой оправе. Из зеркала смотрело страшное лицо, покрытое какой-то потрескавшейся маской.

Наклонившись, Мегаллида сильно дернула за шнур. Раздался короткий резкий звонок. И тотчас же проворно вбежали молодые рабыни. Одна из них, сириянка Хлоя, держала в руках медный блестящий тазик с теплым ослиным молоком; другая, смуглая испанка Гена, – коробку с румянами и высокий пышный парик. Обе они владели искусством возвращать то, что уносили с собою годы: молодость и красоту, свежесть и блеск.

Обмакнув губку в тазик, Хлоя осторожно сняла с лица госпожи ночную маску из хлебного мякиша, вымоченного в кислом ослином молоке. Считалось, что она сохраняет гладкость кожи.

Прикоснувшись пальцем к подбородку, чтобы проверить, как подействовала припарка, Мегаллида наклонилась еще раз и дернула за шнур дважды.

В комнату вошел полный круглолицый человек и низко поклонился. Не оборачиваясь, Мегаллида спросила:

– Кирн, ты не забыл о моем вчерашнем приказании?

– Все готово, госпожа! – проговорил Кирн, вталкивая в комнату обнаженную девушку.

Кирн был доверенным палачом Мегаллиды. В городской усадьбе Дамофила постоянно жили шесть палачей. Но Мегаллида, о жестокости которой знала вся Сицилия, пользовалась услугами одного Кирна; это был ее раб, часть принесенного в дом Дамофила приданого.

Звякнуло о пол металлическое ведро, из которого торчал пучок прутьев. Затем под тяжестью тела скрипнула скамейка. Раздались свистящие удары. Глаза Мегаллиды расширились. На бледных щеках появился румянец. Мегаллида наблюдала в зеркало, как на ногах тихо стоящей рабыни появлялись синие полосы.

– Прибавь! – нетерпеливо крикнула она.

Кирн взял из ведра еще несколько прутьев и, добавив к прежним, хлестнул наискось.

Раздался дикий крик.

– Выше! – приказала Мегаллида.

В это время открылась дверь, и на пороге показался Дамофил.

Мегаллида недовольно поморщилась.

– Ты всегда приходишь, когда я еще не одета.

– Я этого не знал, – оправдывался супруг. – Звуки и голоса, – он показал на корчившуюся на скамье рабыню, – дали мне знать, что ты занята делом.

– Прочь! – приказала Мегаллида служанкам. – А ты, – обратилась она к Кирну, – продолжишь после обеда.

- Неслыханная дерзость! – произнес Дамофил, вытирая капли пота тонким платком.
- Что случилось, дорогой?

– Только что пришли два раба-пастуха и сказали привратнику, что хотят меня видеть. Я приказал их позвать. И что, ты думаешь, им надо? Плащи и сандалии! Неслыханно! Прийти к господину и просить одежду. Я спущу с них последнюю шкуру. Если одевать всех этих бездельников, можно разориться. Разве путешественники в нашей благословенной Сицилии ходят голыми? Предприимчивый раб всегда найдет способ заставить их поделиться...

Дамофил еще долго и возбужденно говорил о дерзости рабов и расходах на их содержание.

Когда он немного успокоился и, ведя супругу под руку, вышел во двор, у вбитых в землю и обрызганных свежей кровью столбов уже никого не было. Разрезанные кем-то веревки валялись рядом. У Дамофила отнялся язык, когда он понял, что рабы сбежали.

Евн

Городские усадьбы Дамофила и Антигена находились рядом. Вечно голодные рабы Дамофила по запаху, доносившемуся из кухни, знали, чем сегодня будут кормить соседских рабов. Рабы Антигена по крикам догадывались, засекала ли Мегаллида очередную свою жертву или несчастная рабыня проживет еще несколько дней.

Господа же были не просто соседями, но и соперниками. На ипподроме в Сиракузах их лучшие кони состязались в быстроте бега. Каждый стремился затмить другого роскошным убранством и размером пожертвований на городские нужды.

Антиген, однако, вел себя более сдержанно. Он не позволял себе разъезжать по улицам Энны на повозке, запряженной рабами. Его пастухи не грабили путников, так как им каждый год давали обноски. Жена Антигена не превратила своей спальни в застенки. Конечно, провинившихся рабов и рабынь пороли на конюшне, но не было случая, чтобы после наказания кого-нибудь из них относили в яму на кладбище.

Несмотря на взаимную неприязнь, разницу во вкусах и образе жизни, Дамофил и Антиген в праздники по-соседски ходили друг к другу в гости.

Этот день рождения Антигена навсегда запомнился не только гостям, но и всему городу. Много столетий спустя историки именно с него начинали историю страшных бедствий, в которые ввергли богатейший из островов восставшие рабы.

Гости, развалившись на ложах, уже отдыхали от изысканного обеда, когда Антиген сделал рукой знак, и в триклинии тотчас появился человек средних лет. У него было длинное вытянутое лицо, высокий лоб, густые брови. Более всего поражали глаза, обладавшие какой-то магической силой.

- Мой раб Евн, сириец, – объявил Антиген гостям.

На сирийце развевался длинный пурпурный хитон, подпоясанный узорным поясом. На ногах были сандалии с серебряными застежками. Евн низко поклонился. Антиген радостно улыбался, предвкушая, как будет завидовать Дамофил, когда увидит, на что способен его раб.

Евн подошел к столику. Глиняные тарелки словно прилипали в его руках. Вино не выливалось из опрокинутых фиалов. В воздухе мелькали платки, ножи, футляры для свитков.

Но что это? По знаку Антигена внесли хозяйское кресло. Сириец расположился в нем с той величественностью, которая подобает, по меньшей мере, царю. Вот он устремил свой взгляд на одного из гостей. Тот сначала заерзал, а потом замер, как бы окаменел, словно при виде Горгоны Медузы. Евн сделал какое-то движение рукой: гость вскочил и, взяв со стола яблоко, почтительно протянул фокуснику. Небрежно поблагодарив, Евн обратил свой пронизывающий взгляд на другого гостя. Тот так же молча поднес Евну фиал.

В триклинии стало необыкновенно тихо. Прислуживающие гостям рабы замерли в ужасе: Евн обращался с господами, как со своими слугами.

А между тем представление продолжалось. Встав с кресла, Евн подошел к Мегаллиде. От его взгляда супруга Дамофила задрожала. Руки ее опустились, потом быстро поднялись. Мегаллида стала сбрасывать с себя парик и одну одежду за другой.

– О боги! – вывалось у кого-то из гостей.

Провожаемая взглядом Евна, Мегаллида побрела к поставленной у кресла скамейке и легла на нее.

Евн низко поклонился гостям и покинул триклиний.

И сразу гости опомнились. Мегаллида бросилась к своей одежде. Красный как рак Дамофил, обратившись к Антигену, вопил: «Ты опозорил мою жену! Немедленно выдай мне этого раба, или я подам на тебя в суд!»

Антиген мычал что-то невразумительное. Он был потрясен не меньше других. Ведь представление репетировалось несколько раз. Началось, как надо. А потом негодяй разошелся и стал вытворять неизвестно что.

Ревизия всадников

В самом начале нового, шестьсот одиннадцатого года от основания Рима Публий Корнелий Сципион Африканский и Луций Муммий Ахейский вступили в должность цензоров.

В своей речи, предшествовавшей вступлению в должность, Сципион допустил странное выражение. Он поклялся сообразовываться с интересами республики независимо от того, дали ему народ коллегу или нет. Получалось, что Сципион обещал вести себя так, словно он был единоличным магистратом. И, естественно, это вызвало тревогу среди многочисленных прожигателей жизни. По Риму поползли слухи, что Сципион отыскал где-то тогу старинного покроя, которую носил Катон, и напялил ее на себя.

* * *

Полибий проснулся, но еще лежал в постели, когда в кубикул вбежал Сципион в полном одеянии магистрата.

– Куда ты в такую рань? – удивился Полибий.

– До вечера! – махнул рукой Публий. – Иду исполнять обязанности гиппарха!

– Проводить ревизию всадников? – догадался Полибий. – Да поможет тебе Марс!

Ко времени прибытия цензоров на Марсово поле всадники со своими конями уже выстроились в одну линию.

Помахивали головами и ржали кони. Солнечные зайчики блестели на шлемах и металлических частях сбруи.

Сципион, не обращая внимания на коллегу, начал обход. Муммий следовал за ним по пятам.

Сципион не заглядывал в зубы и не ощупывал холки животных. Он ревизовал не коней и не конюхов, которым было поручено за ними ухаживать, а тех, кому символическое обладание конем обеспечивало место во втором после нобилей сословии.

Остановившись против всадника Луция Манилия, цензор спросил:

– Ты сын консула Манилия?

– Да! – отвечал Манилий Младший, не чувствуя подвоха.

– Твой отец, – продолжал Сципион, – сражался с пунами, хотя ему не удалось взять города.

Манилий кивнул головой.

Цензор повысил голос:

– И ты решил отомстить за неудачу отца. Твой повар испек огромный медовый пирог в форме Карфагена с городской стеной, внутренней и внешней гаванью Бирсой. Ты поставил его на стол, и твои друзья, вооружившись ножами, бросились на штурм. Так?

– Да! Это было в первый год осады Карфагена.

– Ты переводишься из сословия всадников в сословие эрариев, – отчетливо произнес Сципион.

– За что?! – вызывающе выкрикнул юноша. – Разве форма пирога – преступление?

– Уж, конечно, не за то, что ты опередил меня со взятием Карфагена, – отчеканил цензор. – За грубую шутку, оскорбляющую достоинство римского народа и память тех, кто пал под стенами Карфагена, ты исключаяешься из сословия всадников и переводишься в сословие эрариев.

Манилий с мольбой взглянул на Муммия. Теперь только от него зависит карьера.

Муммий отвернулся. Сципион двинулся дальше.

Остановившись напротив сына недавно скончавшегося консула Сульпиция Тала, Сципион осмотрел его с ног до головы и сказал:

– Публий, я знал твоего отца, хотя и не был с ним близок. Занятие астрономией не мешало ему образцово выполнять государственные обязанности. Никто его не мог упрекнуть в том, что он в своих привычках и одежде бросает вызов общественному мнению. На тебе, Публий, сандалии с золотыми пряжками. Из-под тоги высовывается туника с длинными рукавами. Объявляю тебе цензорское порицание.

Процессия двинулась дальше.

Сципион остановился против юноши с опухшим лицом.

– Ты, Клавдий Азелл, – начал он, – растратил отцовское состояние. Целыми днями ты бродишь по Риму с такими же шалопаями, как ты, переходя из одной харчевни в другую. Посмотри на себя в зеркало! Ты уже потерял человеческий облик, у твоего коня взгляд более осмысленный, чем у тебя. Данной мне властью я исключаяю тебя из сословия всадников и перевожу в сословие эрариев.

– Вето! – послышался твердый голос Муммия.

Обход продолжался.

Уже вечерело, когда Полибий услышал из атрия шум шагов. Отложив в сторону свиток, он поспешил навстречу Сципиону.

– Ну как? – спросил он, глядя в усталые глаза друга.

– Первый бой с роскошью я бы сравнил с Каннами, – ответил Сципион с деланной серьезностью.

– С Каннами? – удивился Полибий.

– Ну да! В той страшной для нас битве командование принадлежало двум консулам, моему деду Эмилию Павлу и Теренцию Варрону. Сегодня действовали два цензора. Я исключил из всаднического сословия пятерых. Но мой коллега, не к ночи будь о нем сказано, четыре раза прокаркал «вето».

– Это печально, – отозвался Полибий. – На Марсовом поле у тебя появилось много врагов. Тебе остается чаще посещать Форум.

Сципион удивленно вскинул голову.

– Я имею в виду, что у вас на Форуме легко приобрести друзей. Для этого достаточно обратиться к незнакомому квириту с приветствием, назвав его по имени.

– О нет, мой друг. У меня плохая память. Вот Аппий Клавдий похвастается, что он знает каждого гражданина по имени. Мне достаточно того, что все знают меня.

Аттал

Услышав стук, Блоссий подошел к двери и открыл ее. Перед ним стоял незнакомец в дорожном гиматии и внимательно смотрел ему в глаза.

– Заходи! – предложил Блоссий. – Судя по одежде, ты с дороги. Мое скромное жилище принимает всех. А сам я рад служить любому, кто ищет помощи и совета.

– Я нуждаюсь в том и другом, – отозвался незнакомец, вступая в дом. – Мое имя Аттал. Я царь Пергама.

Обычно такое представление вызывает суету, удивление, испуг. Ведь не каждому смертному доводится принимать у себя дома царей. Но эти слова не произвели на Блоссия никакого впечатления. Лицо его оставалось таким же невозмутимым и приветливым.

– Садись, Аттал, сын Аттала, – сказал философ, предлагая гостю стул. – Сними свой гиматий, если хочешь.

Пока царь устраивался поудобнее, Блоссий занимал его разговором.

– Я немного читал о твоём царстве; о твоей столице, второй в круге земель; библиотеке. Мой юный друг и ученик, да будут к нему милостивы маны, несколько лет жил в одном из подвластных тебе городов. Мысленно я был с ним. Но мне самому не приходилось выезжать за пределы Италии.

– Об этом и пойдет у нас речь, – сказал Аттал. – Как тебе известно, я состою в переписке с Корнелией, и от нее слышан о тебе и о твоём искусстве воспитания. Но сначала объясню. У меня есть сын...

– Да, да! – подхватил Блоссий. – Я слышал о твоём наследнике и знаю, что его, как тебя и твоего отца, зовут Атталом.

Гость поморщился.

– Но тебе неизвестно, – продолжал он, – что у меня есть племянник, сын моего любимого брата Эвмена. Внебрачный сын. Тебя может удивить, что я сейчас скажу. Но я должен тебе признаться, что вопреки родственным связям, я бы предпочел, чтобы мне наследовал сын Эвмена Аристоник.

Царь положил ладонь на стол и сжал пальцы в кулак. Блеснул драгоценный камень, вставленный в кольцо.

– Видишь ли, – проговорил гость с неохотой. – У Аттала дурные наклонности. Я обращался к медикам. Жажда обогащения заставляла их скрывать от меня истину. Но она все равно раскрылась. Мой мальчик неизлечимо болен. Ему никто не может помочь. Я пытался толковать римским сенаторам опасные последствия передачи власти моему сыну. Меня успокаивали. Но блеск глаз собеседников выдавал их истинные мысли и чувства. Они радовались, ибо худший царь – для Рима самый лучший.

Аттал снова взглянул Блоссию в глаза и сказал, понизив голос:

– Может случиться, что сенат захочет воспользоваться болезнью моего сына для того, чтобы превратить мое царство в римскую провинцию. В этом случае Аттала III должен сменить Аристоник. Я хочу, чтобы он был к этому готов. В письме к Корнелии я задал ей вопрос, может ли она отпустить тебя, хотя бы на короткое время, в Пергам. Она ответила, что ее старший сын, кажется, его зовут Тиберием, вскоре отправится в Испанию, а младший еще не готов к восприятию философии. Поэтому Корнелия не возражает, если ты отлучишься из Рима. Понимая, что твое решение во многом зависит от того, понравится ли тебе ученик, я привез Аристонику.

– Меня тронуло твое отцовское горе, Аттал, – проговорил Блоссий. – Я готов тебе помочь. Но ты знаешь, ведь я последователь Зенона...

– Знаю! Именно поэтому я выбрал тебя. Ведь мать Аристонику – рабыня. Зенон же писал, что раб, одетый в рубище, может быть достоин большего уважения, чем владыка великой дер-

жавы. Я бы к этому добавил: такой раб может стать и царем, если у него достойный наставник. Твои услуги...

– Оставь, Аттал! Зенон, как ты помнишь, писал: «За добро надо платить добром, а не золотом».

Аттал покраснел.

– Прости меня. Неистребимая царская привычка. Но знай, если кто-нибудь из твоих друзей окажется в беде, он может рассчитывать на мою помощь.

– Я тебе верю, Аттал, – с чувством проговорил Блоссий. – Помогать друг другу – наш человеческий долг. Если бы мы все его выполняли, мир был бы другим. Приводи Аристонику. Я позанимаюсь с ним в Риме и провожу его в Пергам.

Аттал встал и низко поклонился.

– Прощай, мой новый друг. И спасибо тебе за урок. Ведь учиться никогда не поздно.

Оставшись один, Блоссий сел в кресло и закрыл глаза. «Ты пришел ко мне слишком поздно, Аттал», – думал он.

Наводнение

Март в этом году выдался суровый и неистовый. С нон¹⁴ шел ливень. Тибр вздулся, вышел из берегов и разлился по низинам. Речки и ручьи, воды которых он принимал в себя и нес к морю, повернули вспять и залили окрестные поля.

Беда нависла над деревней Меммия. Вода подступила к самому дому. Ветер разносил, как солому с крыши, надежду Меммия на лучшую жизнь, которую он мечтал дать семье по возвращении из Карфагена.

Днем, чтобы умиловить грозного отца Тиберина¹⁵, жители села бросали в воду головы убитых овец. Меммий не мог последовать их примеру – у него не было овец. Но бедность хитра на выдумку. Меммий, произнося формулу молитвы «Прими головы, Тиберин, и отступи от порога», бросил в воду горсть маковых головок. «Ведь у Тиберина, – думал он, – не тысяча глаз. Разобраться ли ему при такой непогоде, кто бросает головы, а кто – головки».

К вечеру ливень утих. Казалось, гневное божество приняло жертвы и удовлетворилось ими. Сельчане впервые за много дней свободно вздохнули. Но передышка была недолгой. Ночью раздался страшный грохот. Авл соскочил со своего сундука и выбежал наружу. Его чуть не сбил поток. Доносились заглушаемые ревом воды крики.

– Выносите детей! – закричал Авл, переступая порог.

И вот уже отец, держа в руках близнецов, стоит по колено в воде под платаном. Рядом с ним мать с Меммией. Кора дерева была мокрой, и руки Авла скользили, он ухватился за толстую нижнюю ветку. Еще одно усилие, и, подтянувшись, он сел на нее верхом.

– Отец! – крикнул он. – Давай!

К утру хлынул дождь. Вода прибывала. Поглотив нижние ветви, она уже плескалась совсем близко. Мимо неслись бревна. Жалобно мыча, проплыл бык.

Когда совсем рассвело, стало ясно, что поток подмыл берег, и обрушившаяся глыба, перегородив реку, направила ее на деревню. Теперь у Меммия не осталось ни дома, ни денег, ни имущества. Погибла и домашняя святыня – очаг предков.

Вода спала к утру следующего дня. И только спустившись с деревьев и холмов, люди поняли всю глубину постигшего их несчастья.

¹⁴ Н о н ы – в каждом месяце римляне выделяли три главных дня, от которых вели отсчет остальных: календы – 1 число, ноны – 5 или 7, иды – 13 или 15.

¹⁵ Т и б е р и н – речной бог, воплощавший силу и мощь одной из главных рек Италии Тибра. Тиберин, считавшийся сыном Януса, почитался не только римлянами, но и другими народами Италии, через земли которых протекал Тибр, – этрусками и фалисками.

Авл поднялся на холм и огляделся. Вон там стоял их дом, около самого высокого в деревне платана. Справа белела вилла Фупилия.

– Этот нисколько не пострадал, – сказал Квинт, показывая на виллу, – теперь он прикупит рабов, расширит хозяйство. Все его богатство выросло на несчастьях таких, как мы.

К вечеру они дошли до Тибра. Мост снесло, и людей переправляли лодочники. Пришлось отдать за переезд последние два асса.

На другом берегу Меммий увидел такую же группу бездомных людей. Подойдя к седоволосому старцу, несшему в руках изображение пенатов, богов – покровителей семьи, Квинт спросил:

– Что, и у вас наводнение?

– Наводнение? Какое наводнение! Просто землевладелец согнал с земли за долги.

– Куда же теперь?

Старик ничего не ответил. Пожал плечами и взглянул на небо: его судьба в руках богов!

К полудню второго дня Меммий и его семья были уже в Риме. Здесь жила его сестра. На нее теперь вся надежда.

Авл был в Риме впервые. Толпы праздного народа, узкие улицы, застроенные каменными домами, поразили его. Он поминутно останавливался и оглядывался по сторонам.

– Посторонись!

Четверо чернокожих великанов пронесли на плечах крытые носилки, в которых на атласных подушках полулежал пожилой сенатор в тоге с широкой пурпурной каймой.

– Он болен? – спросил Авл отца.

Квинт рассмеялся.

– Здоров как бык! У него столько рабов, что он может не утруждать своих ног.

Какой-то плешивый человек в потертой тоге, вертевшийся неподалеку, услышав замечание Меммия, закричал:

– Эй ты, деревенщина! Как ты можешь так говорить о знатном и щедром господине Квинте Помпее?!

– Да я не сказал о нем ничего дурного. А ты чего, его адвокат?

Стоявшие рядом каменщики рассмеялись. Их язвительный смех обратил плешивого в бегство.

Один из каменщиков бросил ему вслед с презрением:

– Сразу видать, что за птица. Клиент! Развелось их теперь в Риме видимо-невидимо. Живут на подачках. Каждое утро у дверей домов богачей выстраивается целая орава таких прихлебателей.

– Зачем? – удивился Авл.

– Поздравляют своих патронов, целуют им руки. А вот работать их не заставишь. Дай им даже землю в собственность, не уйдут из Рима. Забыли, как держать плуг.

– Даже если не забыли, – добавил другой каменщик, – не возьмутся за него. Им хлеб достается легко. Пошел с патроном на комиции, опустил за него табличку в урну, и подарок обеспечен.

– Дешев хлеб, взятый у богача, но не каждый может унизиться и взять его, – пробормотал Меммий. – Лучше уж снова стать воином, чем пресмыкаться, как червяк.

Пройдя Форум, Квинт Меммий свернул направо, на Субурру. Здесь не было видно хорошо одетых богатых людей. У подворотен огромных безобразных домов нищие в грязных лохмотьях протягивали руки и хватали прохожих за одежду. Навстречу прошло несколько молодых женщин в пестрых одеждах с ярко накрашенными лицами. По грязной мостовой бродили тощие собаки с вылезшей шерстью. Осел рылся мордой в канаве, разыскивая, чем поживиться. Тут же играли дети. Один из них, уродец с тонкими ногами и большой, как тыква, головой, швырнул в Авла комок грязи.

Стоял невыносимый для деревенского жителя смрад, запах скученности и нищеты. Перейдя на другую сторону улицы и миновав канаву, полную нечистот, Квинт остановился у пятиэтажного дома с балконом.

– Здесь! – сказал он, показывая на дом.

Звереныш

С тех пор как уехал Аттал и увез Аристонику, чувство тревоги не покидало Нису. «Как будет жить моему мальчику у свирепых ромеев?.. Конечно, хорошо, что царь увез его из Пергама. От зверенышей можно всего ожидать. Но ведь и на чужбине ему придется несладко, без языка, без друзей, без отцовской помощи и материнской ласки».

Ниса отложила вязание и взяла кувшин. Проходя мимо пленницы, она услышала за ней какой-то шорох, но не придавала ему значения. «Наверное, мыши», – подумала она.

Вернувшись, она закрыла щеколду и понесла кувшин в спальню. Переступив порог, она неожиданно увидела Аттал. Он сидел на кровати и смотрел на Нису безумными глазами.

Ниса уронила кувшин. Он разбился, ледяная вода залила ей ступни, но она не ощущала холода, парализованная страхом.

– Федра! – произнес Аттал, протягивая руки к Нисе. – К тебе пришел твой Ипполит!

Он расхохотался, радуясь своей находчивости.

Ниса молча пятилась.

– Куда же ты уходишь, Федра?! – прошипел юноша и снова захохотал. – Ах! – хлопнул он себя по лбу, изображая забывчивость. – Ты же рабыня! Рабов не пускают в театр. Ты не знаешь о Федре и Ипполите. Федра была дочерью царя Миноса и второй женой царя Тесея. Она влюбилась в своего пасынка Ипполита и пыталась его совратить. Но Ипполит в отличие от меня был тверд как камень. Тогда она оклеветала его перед мужем, обвинив в предсмертной записке в насилии, и покончила с собой. Поняла?

Аттал вскочил и, быстро приблизившись к Нисе, схватил ее за руку.

– Не притворяйся глупой! – продолжал он. – Не то я тебя повешу и скажу дяде, что ты хотела меня совратить.

– Аттал в это не поверит, – прошептала Ниса.

– Ну и пусть не верит! Тебе от этого не станет легче!

В глазах его блеснул злой огонек.

– И запомни, – произнес он, не отводя от нее взгляда, – ты его рабыня. А когда он умрет, я буду твоим господином и сделаю с тобой все, что захочу. Но я хочу сейчас. У меня не было женщин. Ты будешь первой. Люби меня, Федра!

– Я тебя и так люблю, Аттал, – сказала Ниса, отстраняя его руку. – Не забывай, что я была твоей кормилицей. Ты так тихо сосал эту грудь, и я целовала тебя в волосики. Ты был похож на моего первенца. Побойся богов, Аттал!

Аттал вытянул из ножен кинжал и приставил острие к груди Нисы.

– Довольно болтовни! Раздевайся. Ты мне покажешь, как это делается. Я хочу, как мой опекун.

Он размахивал кинжалом, и Ниса отступала в угол спальни. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас.

Жарко дыша, Аттал набросился на Нису и стал срывать с нее одежды.

Государство Солнца

Весь этот месяц у Блоссия ломило ноги. Давала себя знать работа в мастерской Филоника, где приходилось, стоя по щиколотки в ледяной воде, мыть вонючие кожи. Поэтому заня-

тия были перенесены в его скромное жилье, и здесь впервые встретились и столкнулись в спорах Тиберий Гракх и Аристоник, сын Эвмена.

– Мои юные друзья! – начал Блоссий, с трудом усаживаясь в кресло. – Шесть наших занятий были посвящены «Государству» Платона, и каждый из вас имел возможность высказать свое мнение о прочитанном. Вы едины в том, что Платону удалось с необыкновенной проницательностью выявить пороки государственного устройства, присущего всем народам круга земель. Вы оба согласны с тем, что жизнь государственного организма, развивающаяся по присущим ему законам, нуждается во вмешательстве, подобном тому, к какому прибегали Гиппократ и другие опытные врачи. Но вы расходитесь в оценках нарисованной Платоном картины идеального государства. Ты, Тиберий, считаешь, что государство Платона нереально, поскольку оно невелико по размерам и не может существовать в окружении других государств, сохраняющих прежние государственные порядки. Ты полагаешь, что преобразования могут быть осуществлены лишь в таком государстве, которое охватывает весь круг земель или большую его часть. Верно ли я изложил твою мысль, Тиберий?

– Правильно, учитель. Но я еще говорил о том, что Платон допускал ошибки, поставив во главе государства философов. Ведь нам известно, что философы проводят свою жизнь в спорах и не могут договориться между собою.

– Да, – продолжал Блоссий. – Ты это говорил. Но ведь и Аристоник выступал против этого положения Платона. Я же стараюсь выделить не то, что вас объединяет, а то, в чем вы расходитесь. Ты, Аристоник, полагаешь, что само государство Платона не заслуживает названия справедливого, поскольку Платон оставил все права и блага жизни двум высшим классам – философам и воинам, а третий класс – ремесленников – низвел до положения рабов. Ты считаешь, что справедливость может быть установлена лишь в государстве, с ограниченной территорией и населением, говорящем на одном языке. По твоему мнению, в огромном государстве или империи неизбежно угнетение одним более сильным народом других, более слабых, и к несправедливости, которая связана с неравномерным распределением богатств, добавляется еще одна несправедливость, которую исключал Платон в своей системе. Так ли я передал твои мысли, Аристоник?

– Так, учитель.

На щеках мальчика разгорелся румянец. Он весь напрягся, готовясь к новой схватке.

– Я не буду высказывать своего мнения, – произнес Блоссий после паузы. – Я постараюсь расширить масштабы нашего спора и расскажу вам об одном удивительном приключении, которое выпало на долю эллина Ямбула лет пятьдесят назад.

Аристоник откинулся назад. Тиберий облокотился на стол.

– Этот Ямбул, – начал Блоссий, – был сыном купца, торговавшего пряностями, и унаследовал дело. Вместе с караваном он вышел из Александрии и, достигнув Красного моря, сел там на корабль. В том месте, где Красное море вливается в океан, на корабль Ямбула напали пираты из Аравии. Он лишился всего, что имел, и стал рабом-пастухом. За одной бедой последовала другая. На арабов совершили нападение эфиопы. Захватив Ямбула и одного из его спутников, они привезли их в свою страну, где берет начало великий Нил. Как раз тогда пришло время для принесения очистительной жертвы океану – эта жертва совершалась эфиопами каждые шестьдесят лет. Эфиопы посадили Ямбула и его спутника на небольшое суденышко, снабдив их водой и провизией. Сильный ветер погнал кораблик на юг. После плавания, продолжавшегося несколько месяцев, они приплыли к круглому острову окружностью в пять тысяч стадиев. Обитатели этого острова, расположенного у самого экватора, вели среди пышной природы образ жизни, изумивший Ямбула. Они отличались силой и красотой, не ведали болезней. Согласно закону, люди, страдавшие неизлечимыми болезнями или физическим уродством, должны были сами себя убивать. Кроме того, достигшие обременительной старости, повинувшись обычаю, ложились спать возле растения, запах которого уводил в небытие.

Блоссий изменил положение ноги, доставлявшей ему страдания, и продолжил с новой силой:

– Все жители острова жили группами по четыреста человек. Каждая из этих групп по очереди занималась общественными делами, снимала плоды с высоких деревьев, ловила рыбу, лепила статуи и расписывала стены домов. Поэтому на острове отсутствовали честолюбие и зависть, доставляющие государствам нашего круга земель столько несчастий. Не было у островитян и корыстолюбия – ибо мастерские, склады, дома, инструменты, не говоря уже о земле, находились в общественном пользовании. Государство заботилось и о здоровье людей, устанавливая рацион питания и время еды.

– И конечно же, – иронически вставил Тиберий, – женщины, как и у Платона, принадлежали всем.

– Ты догадался, мой мальчик, – ответил Блоссий. – Всем. Но это были не рабыни, а свободные женщины, участвовавшие в труде вместе с мужчинами и пользовавшиеся с ними равными правами. Как вспоминает Ямбул, ему не приходилось видеть таких прекрасных женских лиц, как на острове, где из отношений между людьми была исключена корысть, где были неизвестны ревность и трагедии, возникающие на ее почве.

– А почитали ли островитяне богов? – спросил Аристоник.

– Конечно! Их богами были Гелиос и небесные светила. Но главным божеством был Гелиос, дарующий жизнь и благоденствие. Поэтому они и называли себя гелеополитами. Но я уже закончил свой рассказ. Начнем с вопросов, а затем перейдем к обсуждению. Ты что-то хотел спросить, Аристоник?

– Да, учитель. Скажи, это правда? Был ли Ямбул? Совершал ли он путешествие?

– Что я тебе могу ответить?

Блоссий развернул листок и, подняв его, дал прочитать.

– «Путешествие Ямбула в страну гелеополитов», – прочел Аристоник вслух и радостно захлопал в ладоши: – Значит, правда! Правда!

Тиберий снисходительно взглянул на мальчика и улыбнулся:

– Тогда тебе, Аристоник, остается поверить в реальность Панхеи, описанной Эвгемером, или в существование Атлантиды, выдуманной Платоном для иллюстрации своего учения о государстве. А ведь ученик Платона Аристотель, знавший помыслы и намерения своего учителя лучше нас, говорит с полной определенностью, что Платон, выдумав Атлантиду, потопил ее, чтобы никто не вздумал искать этот отдаленный остров. Может быть, ты, Аристоник, отправишься на поиски острова Гелиоса, поскольку Ямбул не догадался его потопить?!

– Нет! – вспыхнул Аристоник. – Глупо тратить силы на поиски того, что уже найдено и известно. Не лучше ли употребить их на то, чтобы у себя дома установить справедливые порядки гелиополитов. Они же, как ты видишь, применимы к небольшому государству, размерами с наше Пергамское, а никак не к огромной империи.

– Но ведь царство твоего отца расположено не на острове, – заметил Тиберий.

– Ну и что с того, что не на острове, – возразил Аристоник, – справедливые законы хороши для всех.

– А то, что главной преградой для установления справедливых порядков является вражеское соседство. Вспомни судьбу Агиса и Клеомена. Будь Лаконика островом, без Ахейского союза городов и македонских гарнизонов, в Спарте бы и поныне действовали законы Ликурга в том их толковании, которое дал философ – стоик Сфер, учитель царей-реформаторов.

– Превосходно! – не удержался Блоссий. – Главное для политика – это умение предвидеть все обстоятельства, все преграды. Его отсутствие – причина неудач спартанских царей, решивших возродить свое отечество, поработенное апатией и корыстью. Но важно не забывать и конечную цель, как бы ни была она далека. Независимо от того, существует ли государство Солнца, или это фантазия Ямбула, все, что сказано об освобождении людей от однообразного

и тяжелого труда, представляет исключительный интерес. Обратите внимание: в государстве Солнца нет рабов, все делают свободные люди, и делают легко, с радостью. Я думаю, что в описании справедливых порядков Ямбул пошел дальше, чем Платон. Кажется, ты со мною не согласен, Аристоник?

– Я верю в государство Солнца! – воскликнул мальчик. – Его можно создать не в будущем! Сейчас!

Восстание

Два года прошло с тех пор, как Ахей и Ретаген пытались найти в Энне справедливость. Укрывшись в горах, они с десятком таких же беглых рабов нападали на поместья, освобождали из эргастулов колодников, добывали себе оружие и продовольствие. Теперь им предстояло встретиться с Евном, о котором к тому времени знала вся Сицилия.

В пяти стадиях от городских стен находилась известная всем местным рабам пещера, где и происходили их тайные сборища.

В ту ночь, когда Ахей и Ретаген пришли в пещеру, там собралось несколько сот рабов. По их мрачным лицам пробегали дрожащие тени, глаза то вспыхивали, то гасли. В центре круга, образованного толпой, в дикой пляске кружился человек. Он извивался, тряс головой, будто желая сбросить какую-то тяжесть, и наконец в изнеможении упал на землю.

По тому суеверному ужасу, с которым рабы следили за его движениями, Ретаген и Ахей догадались, что это Евн. Жившие в ожидании чуда рабы считали его оракулом и почти божеством.

Один за другим подходили они к Евну, падали ниц и обращались с вопросами. Для каждого он находил ответ. Если вопрос был сложным, Евн обращался к матери-земле и передавал ее слова, слышные лишь ему одному.

Ретаген, расталкивая толпу, протиснулся вперед и, поклонившись, спросил:

– Прорицатель, скажи, жива ли моя Веледа и ждет ли меня?

Приложив ухо к земле, Евн долго вслушивался. Наконец он проговорил:

– Я слышу звуки труб и топот. Это идут римляне в горы Иберии. Твоя невеста жива и ждет твоего возвращения.

Ретагена изумил и обрадовал ответ. Он, конечно, не догадался, что Евн определил его родину по редкому и характерному имени Веледа и назвал ее невестой, потому что Ретаген не спросил о детях.

К центру круга пробился Ахей. По выражению лица Ахея Евн сразу понял, что грек не верит его «чудесам».

– А как твоя богиня относится к избавлению от неволи? – спросил Ахей.

Прорицатель приложил ухо к земле. На этот раз он действительно услышал мерный топот шагов, которые могли принадлежать только римлянам. Он знал, что Дамофил после очередного бегства из усадьбы нескольких рабов вызвал для поимки их целый римский отряд. Но кто мог указать дорогу к пещере?

Шаги приближаются. Медлить нельзя. Евн вскочил и закричал:

– У входа римские собаки! Богиня приказывает их уничтожить!

С этими словами Евн побежал к выходу, но Ахей остановил его:

– Боги помогают храбрым и опытным. Прикажи выйти вперед только тем, у кого есть камни. Пусть забросают римлян камнями. Остальных же пошли к левому выходу.

Отряд римских легионеров стоял шагах в тридцати от входа в пещеру. Увидев рабов, легионеры метнули дротики.

Ахей успел прижаться к стене. Дротик просвистел над головой. Рядом слышались стоны раненых.

Улучив момент, рабы выскочили из пещеры. В римлян полетели камни. Закрываясь щитами, выставив вперед мечи, легионеры медленно двигались к пещере. Но сзади на них с криком набросилась другая толпа рабов. В ней был Ретаген.

Римляне дрогнули и бросились врассыпную. Рабы догоняли их и валили на землю. В короткой схватке легионеры были перебиты, и рабы вооружились римским оружием.

– Откуда у тебя познания в военном деле? – спросил Евн у Ахея.

– А разве кто-нибудь поверит, – ответил Ахей вопросом, – что я был олимпиоником?

– В Энну! В Энну! – слышались крики победителей.

Нестройная толпа высыпала на дорогу.

Услышав шум, из крайних домов Энны выбегали рабы. Они наскоро вооружались чем попало – поварскими вертелами, камнями, палками.

Господ восстание застигло врасплох. Многих перебили в постелях, некоторых захватили живьем. На агоре собралось человек пятьдесят хорошо вооруженных рабовладельцев, среди них и Антиген.

Евн, столкнувшись с опасностью, стал суетиться, беспрестанно менял распоряжения. Потом он, махнув рукой, сказал Ахею:

– Руководи боем ты, а я поведу людей в усадьбу Дамофила, как бы он не улизнул.

Ахей приказал перегородить улицу двумя телегами. За этой баррикадой он поставил рабов, вооруженных камнями и захваченными у римлян дротиками.

– Ретаген, – обратился он к другу, – оставайся здесь. Как только враги побегут сюда, встретить их, как следует.

Сам же Ахей во главе отряда рабов дворами пробрался к агоре. По дороге он приказал поджечь несколько сараев. Пусть думают, что все пути закрыты, кроме улицы, на которой ждет осада.

Наступающие с криком ворвались на агору. Рабовладельцы решили отступить.

В двадцати шагах от баррикады на них обрушился град камней. А сзади наседали отряд Ахея. Рабовладельцы заматались.

Антиген кинулся к дому и прижался к стене. Но Ретаген заметил его. С выставленным вперед мечом, с горящими глазами, Антиген ожидал приближения иберийца. У Ретагена была лишь палица. Размахнувшись, он с силой метнул ее в Антигена, и тот, выронив меч, замертво рухнул на землю.

Покончив с господами, восставшие бросились к мельнице, находившейся на окраине Энны. Взорвали двери, и глазам предстала страшная картина: к огромному колесу, укрепленному горизонтально на оси, было приковано десять рабов с клейменными лбами, с особыми рогатками на шеях, не позволявшими подносить муку ко рту.

Разбили колодки и цепи. И вот уже освобожденные влились в толпу рабов, спешивших к усадьбе Дамофила. У входа в дом валялись трупы управляющего и палачей. Из женской половины дома вытащили дочь Дамофила Клею. Некоторые из сельских рабов порывались убить и ее, но рабыни окружили девушку плотным кольцом и не давали к ней подойти.

– Она была к нам добра! – кричали они. – Мы не дадим ее в обиду!

Ахей и Ретаген поддержали рабынь:

– Это наша избавительница, – сказал рабам Ахей, – она разрешила веревки, которыми нас привязали к столбу!

Со стороны дороги показалась еще одна группа возбужденных людей. Это тащили отчаянно сопротивлявшихся Дамофила и Мегаллиду. Лица обоих были в кровоподтеках и ссадинах.

Евну стоило немалого труда уговорить рабов отказаться от немедленной расправы.

– Отведем их к театру! – сказал он. – Эти заслуживают публичного суда и наказания.

В театре

Театр, расположенный полукругом на склоне горы, заполнили люди – освобожденные рабы и рабыни города и окрестных вилл.

Горели плошки и факелы. В кресле сидел Евн, рядом стояли два сирийца и глашатай. На Евне был белый шерстяной плащ, тканый золотом, на ногах – сандалии с серебряными пряжками. Опираясь он на посох с золотым набалдашником. Все это Евн нашел у своего господина.

Дамофил, привязанный к столбу, испуганно озирался по сторонам, словно искал у бывших рабов поддержки. Но отовсюду на него смотрели глаза, горящие гневом и ненавистью. Мегаллида, поставленная рядом, отвернулась, чтобы не видеть этой страшной картины. Те, кого она считала скотами и кого могла приказывать засечь до смерти, судят ее, дочь сиракузянина!

Евн что-то сказал глашатаю. Тот, приложив ладони рупором ко рту, закричал:

– Кто хочет выступить обвинителем?

По проходу между скамьями побежал человек, как и большинство сидевших в театре, – в лохмотьях и без обуви. Это был Ахей. Он остановился и, прижав левую руку к груди, словно хотел замедлить биение сердца, заговорил. Голос его сначала дрожал, потом окреп и зазвучал, как колокол на корабле во время бури.

Ахей говорил о муках, на которые обрекали господа рабов, о жестоких пытках и издевательствах, в которых Дамофил не знал себе равных.

Не все в театре понимали греческую речь, но все слышали и понимали голос сердца, которое билось в лад с сердцами тысяч людей: сирийцев и греков, галлов и испанцев, египтян и скифов, негров и фракийцев.

– Мы судим не одного Дамофила, – сказал в заключение Ахей. – Мы судим всех тех, жестокости которых мог бы позавидовать сам Фаларид¹⁶. На нас смотрят души замученных ими рабов! На нас смотрят те, кто еще томится в каменоломнях Сицилии, в рудниках Лавриона и Нового Карфагена. Нет пощады палачам!

Последние слова Ахея были встречены громкими сочувственными возгласами.

Мегаллида еще ниже опустила голову. Лицо Дамофила перекошил животный ужас.

Глашатай снова прокричал свой призыв.

И долго возбужденные ораторы сменяли друг друга, пока на сцену не поднялась женщина лет сорока в черной палле, казавшейся на ее хрупких плечах слишком просторной.

– Меня зовут Хлоя, – начала женщина. – Десять лет я причесывала Мегаллиду. Видимо, мое искусство сохранило мне жизнь. Госпожа никогда не поднимала на меня руку, но вы видите, я в трауре, я ношу его по тем моим подругам, которых приказывала сечь моя хозяйка во время утреннего туалета. Одним глазом она оценивала мою работу, а другим следила за действиями своего доверенного палача Кирна. Я не могу сосчитать число погибших. Но ведь не было ни одного дня, когда бы я не причесывала Мегаллиду. Сосчитайте сами!

Не в силах сдержать рыданий, Хлоя сбежала вниз.

Театр заревел.

– Слово подсудимым! – провозгласил глашатай, перекрывая шум. – Пусть ответят на наши обвинения, прежде чем мы вынесем приговор!

Лицо Мегаллиды исказилось злобной улыбкой. Дамофил сполз на колени, насколько позволяли веревки, и, полувисая на руках, истошно завопил:

– Пощадите! Пощадите! Разве вы не были свободны? Я же не мешал вам грабить на дорогах!

¹⁶ Фаларид – тиран Сиракуз, чья жестокость вошла в поговорку.

По театру прошло движение. Раздались одиночные голоса: «Сохранить ему жизнь!», «Пощадить!», утонувшие в возмущенных криках толпы.

Неожиданно из передних рядов выбежал человек с волчьей шкурой на плечах. В правой руке он держал дротик. С силой метнул он его в Дамофила, и тот рухнул.

Все в театре вскочили со своих мест. Ахей закричал:

– Зачем ты это сделал, Ретаген?

Ибериец растерянно развел руками, желая сказать, что не смог удержать гнева.

– Ну что же, – проговорил Евн, – ты привел в исполнение приговор до того, как он был вынесен всенародно. Мегаллиду же я предлагаю передать для справедливого возмездия ее оставшимся в живых рабьям. Кто за это предложение?

Над театром взметнулся лес рук.

Евн сделал знак стоявшей внизу Хлое. Она и другие рабыни, устремившись к оркестре, схватили свою мучительницу и увели в темноту.

Собрание продолжалось до рассвета. Один за другим поднимались на сцену бывшие рабы и горячо говорили о царстве справедливости, об освобождении еще томящихся в неволе, о выборе царя.

Ретаген услышал сзади себя разговор:

– Евн заслужил быть нашим царем. Он ведь первый поднял нас на борьбу.

– Это верно. Но Евн не смыслит в военном деле, а царь должен быть полководцем, как Александр или Пирр.

– Вовсе не обязательно. У царя могут быть свои полководцы. Нет! Лишь Евн достоин управлять освобожденными рабами. Подумай, само имя его служит добрым предзнаменованием¹⁷

¹⁷ Евн означает «благочестивый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.